

В. В. Шуликовская

КРАТКИЙ КУРС ОБЩЕЙ ФИЗИКИ

и другие стихотворения

БОНА АНЦА

Ижевск

2019

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
Ш 95

*Все рисунки взяты из записной книжки философа,
которую — как и самого философа —
придумала автор данной книги.*

Шуликовская В. В.

Ш 95 Краткий курс общей физики и другие стихотворения. —
Ижевск: Издательство «Бон Анца» (С. С. Пашкина),
2019. — 104 с.

В сборник вошли стихи разных лет и поэма «Краткий курс
общей физики».

ISBN 978-5-6041560-7-0

© В. В. Шуликовская, 2019
© Издательство «Бон Анца»,
(ИП Пашкина С. С.),
оформление, 2019

Предисловие автора

Обычно авторы не пишут предисловий к своим книгам: оценивать личное творчество — занятие достаточно глупое. Однако последнее из моих стихотворений, попавших в данный сборник, было написано около пяти лет назад, и меня сегодняшнюю отделяет от автора этих стихов довольно большой промежуток времени. Пожалуй, уже можно взглянуть на собственное творчество со стороны. Итак, каков же он, мой лирический герой? Или, может быть, лирическая героиня?

Видимо, самое время и место определиться раз и навсегда. Мои стихи — не мужские. Хотя и женскими их тоже не назовешь. Желание понять, как устроен космос и собственное «я», болезненное стремление к добродетели, проблемы взаимоотношений с Богом и с современниками — все это черты не мужские и не женские, а просто человеческие. Специфически мужские черты, такие как самоуверенность, жажда власти, стремление доминировать, дух соперничества и некоторая агрессивность, у моего героя как раз отсутствуют. Как и черты специфически женские: кокетство, желание нравиться, стремление свить свое гнездо, умение проявлять материнскую заботу. В большинстве стихотворений мой герой — просто человек, который может оказаться как мужчиной, так и женщиной. А существительное «человек» в русском языке относится к мужскому роду. Поэтому мужской род в глаголах и прилагательных, следующих за местоимением «я», — это не гендерные проблемы автора и не скабрёзный намек. Господа, это — грамматика!

Если считать, что «я», стоящее за монологической речью героя моих стихов, принадлежит одному и тому же человеку, то я бы выделила в его характере две основные линии: линию безумца и линию философа. Или, если угодно, линию Диониса и линию Аполлона. Безумец — это, разумеется, «Записки безумца», «Любовный диптих», «Маскарад неидеальных людей». Философ — это «Краткий курс общей физики», «Аспирантские баллады», а еще — цикл, посвященный дифференциальным уравнениям, каким бы шуточным он ни казался. Общего между этими двумя составляющими единой души достаточно много. Как минимум,

одиночество и нелюбовь к миру, в котором они живут; умение терпеть душевную боль и справляться со своими страхами. Обе линии соединяются в «Наших песнях» и в «Антистихах». Можно сказать, что эти циклы стихов написаны в соавторстве: мысли принадлежат философу, эмоциональное наполнение — безумцу.

Безумец — не диагноз психиатра, а продолжение давней литературной традиции, восходящей еще к европейской античности. Это на удивление мудрое безумие в стиле Гамлета или короля Лира. Юный безумец — существо на редкость эмоциональное. Действительно, автор «Записок безумца» живет взахлеб. Он упивается своими эмоциями. Но делает это в тишине и одиночестве своего жилища, когда двери его дома плотно закрыты от посетителей, поскольку он уверен, что ему не с кем поделиться своими страстями. Окружающие для него — заводные болванчики. Хуже того, безумец побаивается других людей и не стремится выставлять свою внутреннюю жизнь напоказ: «того, кто сложнее их, они не простят». Даже влюбленность он переживает сам с собой, фокусируясь на том, что происходит внутри собственного сердца, а не на объекте своих чувств. Кстати, судя по «Любовному диптиху», в любви безумец крайне несчастен. Не факт, что не по своей вине. Пожалуй, влюбленность — единственное, что окружающие все-таки смогут понять, да и то бесполезно объяснять, что влюбленность — вовсе не любовь. Рассказать друзьям, как ты купаешься в собственном страхе, в звериной злобе или умираешь от юродивой доброты? Еще куда ни шло. Объяснить, как мучается художник, утративший свой дар и тайком снимающий копии с собственных гениальных полотен в смутной надежде понять, в чем тут был секрет? Может быть. Но объяснять, что такое ностальгия? Каково это: погибать от невозможности повернуть время вспять? Что такое мучительные поиски смысла жизни, когда герой, глядя в зеркало, умирает от болезненного ощущения, что жизнь проходит не так? Безумец совершенно четко имеет на этот счет свое мнение: не поймут. И поступает так же, как другие герои моих книг: *«Но некому было слышать эти слова. Тем более что произносились они не вслух»*.

Во всех «Записках безумца» внимательный читатель заметит одну общую черту: отсутствие интереса к окружающему миру. Безумец не в силах справиться с глубинами своей души, где уж ему оторваться от зеркала и оглянуться вокруг. Его внутренний мир настолько огромен и сложен, что начисто заслонил собой

внешний. Да и груз нашего общечеловеческого прошлого — на-верняка вычитанный в одиноком детстве из книг — настолько тяжел, что не оставляет сил на настоящее. Другая черта, характерная как для безумца, так, кстати, и для философа, — отсутствие любви. Не сумасшедшей юридической доброты, которая подобна пьянству, а именно любви. Безумцу скучно с другими людьми, тяжело ему и наедине с собой. Это человек, изначально отделенный от живой природы, не понимающий ее и прези-рающий, ведь она неспособна на столь же глубокие переживания, как и он. Человек, у которого нет корней. Про него нельзя сказать, что он вырос из народа или воспитан на чьем-то творчестве. На-верняка, у него в жизни не было ни одного учителя в высоком смысле этого слова. И вот он замыкается в своем одиночестве, тем не менее громко крича: «Буду жить!» Этот страстный призыв завершает «Записки безумца».

В «Маскараде неидеальных людей» нас встречает уже дру-гой безумец, повзрослевший и разочарованный. Он своими ру-ками роет себе могилу, по всей видимости, желая теперь только одного: умереть. И хотя этот лирический герой существует от-дельно от исторического времени, все-таки время настигает его. А замечает безумец вокруг себя только плохое. Он видит эпоху разочарований: в идеалах, в обществе, в людях, в самой жизни на Земле. Вроде и нельзя сказать, что люди с момента написа-ния «Записок безумца» перестали быть людьми. Но произошло разрушение мифов. Хуже того — разрушение тайны, окружав-шей ранее любого из кумиров, что, собственно, и позволяло им оставаться кумирами. Безумец ощущает вокруг себя катастро-фическую нехватку гениев, героев и святых. Основная характе-ристика позднего безумца — не мужество, а нелюбовь. Человек, способный на столь беспощадный анализ собственной души, на который отважился «Любознательный», уже не может любить ни себя, ни других. И он предпочитает уйти в прошлое, в им самим же выдуманный миф. На маскараде его окружают виртуальные друзья, судя по всему, сочиненные ввиду отсутствия друзей на-стоящих. «Заберите меня с собой! В небытие!» — просит он тени прошлого. И этим воплем история безумца закончилась бы, если бы внутри него не жил еще один человек — философ, который, очевидно, приходит безумцу на выручку в каждый критический момент его иступленной жизни.

Философ — олицетворение спасительного разума, помога-ющего убежать от страха и бешенства, юродства и ностальгии

и, в целом, — от болезненной нелюбви. Философ столь же одинок, как и безумец, его мучает то же ощущение конца истории. Но вместо истеричного бегства в прошлое, к выдуманным друзьям, философ пытается взглянуть на историю человечества со стороны, более того — свысока. А еще — издалека. Философ развлекается тем, что подводит итоги. Взглянем на «Антистихи». По сути, это — подведение итогов, новые — и очень саркастичные — ответы на извечные вопросы бытия. Мрачная ухмылка в адрес классиков. Здесь философ вполне солидарен с безумцем: *«Все вопросы давно решены. Исчерпан сюжет»*.

Разумеется, философ столь же одинок, как и безумец, но, наверняка, относится к своей самости очень сдержанно и очень здраво: уж лучше будь один, чем вместе с кем попало. Конечно, он тоже пытается придумать себе избавление от одиночества. «Наши песни» — это, собственно, чьи? Кто такие «мы»? Похоже, философ поддается тому же искушению, что и героиня «Хроник одной жизни»: *«Смешнее всего то, что по извечной человеческой привычке в мою внутреннюю речь вместо «я» вкралось глупое невозможное «мы», будто я не одна, будто таких, как я, много, и незримые узы братства связывают нас»*. И точно так же сам посмеивается над собой.

Этой же попыткой перешагнуть через свое одиночество объясняется постоянное «ты» в «Кратком курсе общей физики». Будто бы существует невидимый собеседник. Тот, который поймет. Почему философ не изъясняется более понятным языком, если ему так больно от собственной непонятости? Потому что воспринимает знания как сокровище, овладеть которыми должен только достойный. Тот, кто не убоится сложностей и сумеет их преодолеть. Эта мысль звучит и в «Аспирантских балладах»: за каждое знание надо платить.

А еще философ убегает в свой мир, в мир абстракций. Даже в цикле, посвященном дифференциальным уравнениям, можно проследить эту его занятую черту: личное отношение к абстрактным понятиям и вещам. Так философ борется с мерзостью окружающей Вселенной. Ведь абстракции, вроде интегральных кривых и систем уравнений, лишены подлости, жадности и эгоизма. Они невинны. И философ развлекается с ними, не зная удержу. Он упивается своими мыслями столь же истово, как безумец упивается своими страстями. Он по-своему переиначивает все фундаментальные законы природы и изобретает новые; забавляется с различными сценариями конца света и вариан-

тами посмертного существования; объясняет, что такое бог, и с легкостью объявляет богом кого угодно, в том числе себя. Философу не так уж важно, найдется ли в конце концов тот самый гипотетический собеседник, который однажды поймет. Ему даже не важно, верны его открытия или нет. Он любит свои догадки не за то, что они верны, а за то, что они красивы.

Что же дает нам эта пара — безумец и философ, — гармонично уживаясь внутри одного человека? Что за цельная душа вырастает из переплетения этих двух, в сущности, искалеченных душ? Одиноким герой безвременья, эпохи *«смутных идеалов, растяженья красоты и растяжения свободы»*. Человек, который выживает как может в мире, где больше нет ни гениев, ни героев, ни святых. Лирический герой — а возможно, и автор, — стихов, предлагаемых читателю.

В. Шуликовская,
г. Ижевск,
июнь 2019 г.

Краткий курс общей физики (Отрывки, 2004–2009)

Предисловие

Когда в глухие, дикие года,
В свои мечты и вымыслы влюбленный,
Одной идее преданный всегда,
Вдруг совершал открытие ученый,

Тогда, боясь, что мысль его поймут —
И украдут, иль не поймут — вовеки,
Он зашифровывал свой главный труд
И в письмах рассылал своим коллегам.

Но может быть и худший вариант,
Когда, в середине юности несчастной,
В тебе начнет расти странный талант,
Но ты поймешь, насколько он опасен.

И ощутишь присутствие черты,
Важней которой ничего не будет,
Там на одном краю остался ты,
А на другом — все остальные люди.

И ждет тебя неверная стезя,
И жизнь твоя — подобье жизни только,
Когда сказать, что думаешь, — нельзя,
А не сказать — бессовестно и горько.

И мысли, погибая, создадут
Цепочки слов, как будто бы случайных,
Чтоб кто-то, может быть, когда-нибудь
В них угадал намек на твою тайну.

Чтоб в них осталась верить и гореть
Твоя душа, в тебе давно потухшая.
Хотя, быть может, проще умереть,
Как умирал Джордано Бруно: мучаясь.

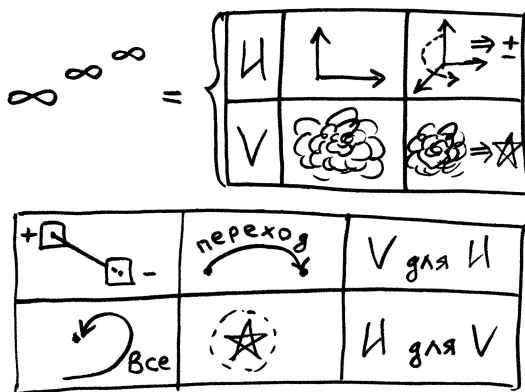
Часть 1

1. Нам кажется конечным бесконечное,
И то, чего для нас есть только два,
Намного больше, даже в нашей вечности.

Рассмотрим нам знакомое сперва:
Две ипостаси, разные издревле.
(Но различаются едва-едва?)

В одной из них — ткань нашей плоти древней,
И нам ее, увы, не потерять,
Мы точно знаем силы, что в ней дремлют.

Другую стань иначе измерять,
Величину ее осозная
И из нее вселенную творя.

2. Но, эти ипостаси выбирая,
Мы забываем их неполноту,
Тем самым свою душу забывая,

И всю Вселенной нашей красоту,
И строгость ее форм, что так понятна,
И жажду воплотить свою мечту,

И многое другое, вероятно,
Что очень важно для других планет,
В чужих галактиках, и странных, и занятных.

Но если видеть только белый свет,
То можно думать с легкою душою,
Что ипостасей — три, а больше нет.

3. И есть миры, где мы летим стрелою,
Расчерчивая твердь и поколения.
Иные извиваются дугою,

Нам непонятны их хитросплетенья,
Их прихотливый, непривычный строй.
Их неуверенность — для нас мученье.

Но все мы ошибаемся порой.
Быть может, это разница простая
Меж полнотою и неполнотою?

4. Теперь поймем, в чем суть чужого края
(Что будет важно в следующих стихах),
Тем самым сонмы мыслей умножая,

Душевный строй меняя и размах,
Да так, чтоб усомниться, что за тварь ты
И что за свет горит в твоих глазах.

Представим мир, в котором — только марты,
Мгновенья, что мерцают в глубине,
События, случайные, как карты...

Так иногда случается во сне,
Когда виденья скачут по Заморью...
Теперь, пускай, напротив, мокрый снег

И тает, и сияет белой болью,
Несет в себе отметину Творца
И порождает целую историю.

А есть такие странные сердца,
В которых долгота с длиною смешаны.
Понятия начала и конца,

Как и у нас, запутаны, завешены.
Но свет, запечатленный в их глазах,
Неотличим от нашего по внешности.

И, наконец, с волнением, в слезах,
Допустим, существует мир непризнанный,
С которым сочленяться нам нельзя:

Сожмется, станет плоской, даже призрачной
Земная твердь, и небо над землей,
И часть листков, на календарь нанизанных.

Итак, мы видим план игры чужой,
Идущей здесь же — но такой далекой,
Одновременной с нами — но другой.

5. Пора обдумать более глубоко
Свои вполне домашние дела.
Понять, как безрассудно и убого

Надеяться на целостность числа,
Особенно — царящего в природе,
Чья двойственность не раз бывала зла.

Изменчивость, случайность не уходят
Из мыслей всех, кто ведал ее суть,
Хотя предугадать их можно вроде.

А вообще, заметим как-нибудь,
Что в мире не бывает дел случайных,
Ни неслучайных — разве что чуть-чуть.

6. А есть союзы двух соседей тайных,
Почти однонаправленных миров,
Питающих друг друга беспрестанно.

Чтоб с их секретов приподнять покров,
Разъедини Вселенную на точки,
Как на картинах ряда мастеров,

И — иногда — в науках наших точных,
Основанных на ряде натуральном
(Фундамент сей считать не стоит прочным).

И ты поймешь, что может быть нормально
За миг один прожить почти что жизнь,
Причем не по порядку, моментально.

И бывшее с грядущим разошлись,
И мы считаем, нет таких соседей,
Между которых точке не найтись.

7. Но здесь неправду можем мы заметить
Иль след неполной правды торжества,
Что иногда опасней лжи на свете.

А если волны, капли, вещества,
Сплетенья сил, живых и даже мертвых,
И, может быть, идеи и слова —

Все суть одно? Их различает твердо
Заглавное для нынешней главы
Понятие особенного сорта.

Отныне предположим мы и вы
Его всеобщность, полноту и прочность,
И в этом слабость данных строк, увы.

Его мы здесь назвать не сможем точно:
И незачем, и беден наш язык —
А потому окрестим *средоточьем*.

Какой-нибудь наивный ученик
Пускай поймет его как вязкость, плотность,
Покуда мыслью глубже не проник.

А мы слегка проявим беззаботность
В двух наших ипостасях — хватит их —
Держа в уме давнишних строк вольготность.

8. При малом *средоточье* невелик
И не вполне насыщен ряд событий.
Так замирает маятник-шутник

В предвосхищение страхов и открытий.
Но интенсивность следствий и причин
О росте *средоточья* говорит нам.

Теперь мы рассуждение обратим
В соседней ипостаси, разрешая
Отбрасывать частицы величин,

Но только те, что массой обладают.
И убирать все чаще те куски,
Знать, что границы тел обозначают

Почти неуловимые толчки:
Ведь понемногу, как бы между прочим,
Мы *средоточья* сдвинули тиски...

9. Не зная, что такое *средоточье*
Мы видели константу. Время шло.
И мир для нас удобней был и проще.

Нам попросту случайно повезло:
По редкому стечению обстоятельств
Оно почти что целое число.

10. Последнее из наших обязательств —
Не забывать про третью ипостась.
Она сложна, в ней много посягательств

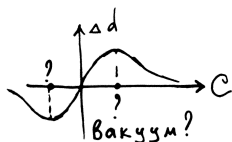
На бесконечную, вечную власть
Неумолимых правил, быстрых дней...
А может, третью (или ее часть)

За разновидность первой взять верней
При меньшем, чем обычно, *средоточье*?
Но чересчур свободы много в ней.

11. «Главнейшее среди людских занятий —
Не изучать наш мир, а изменять», —
Учил сто лет назад один мечтатель.

Итак, неважно, можем мы понять,
Что значит *средоточье*, иль не можем:
Нам надо *средоточьем* управлять.

12. Задачу эту мы признаем сложной.
И впрямь, как бытие ни поверни,
А все-таки оно нам не поможет.

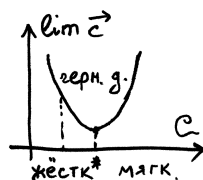

Допустим, если мир наш искони
Для нас как театральная площадка
Иль клетка, где мы заперты одни,

То вырваться нам было бы несладко:
Со страшной силой тянет нас назад
Вся масса, мощь вселенского порядка.

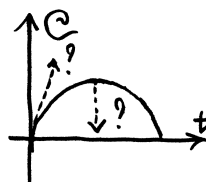
Растаять — просто лишь на первый взгляд:
Со всех сторон в тебя вопьются крепко
И не дадут исчезнуть на свой лад.

А если мы и есть граница клетки,
То нам придется изменить себя,
Но случаи такие очень редки.

Но, безысходность в душах истребя,
Мы — часть чего-то большего, чем просто
Тот мир, в котором маемся, любя.

Порой спонтанно, от стремленья к росту,
Мы знаем это, телом иль душой,
Но слишком быстро, слишком несерьезно.

Нет в этих вспышках ценности большой,
Они сгорают в разных направлениях,
Поэтому нам нужен путь иной.

13. ...Но есть предел и бегу, и теплу,
И тяжести ленивой и остылой.
Стань чистым светом, обратись во мглу —

Ты вне законов прежней жизни милой.
Есть те, кто быстр, кто льется с высоты,
Но им, похоже, не хватает силы

На жизнь, на измененье, на мечты,
И, заменив свое существование
На поддержанье этой быстроты,

Они быстрее стать не в состоянии.
Им не помочь: они как бы пусты
И не подвластны нашему влиянию.

14. Законы сохранения в природе
Соблюдены на удивление точно,
Полны и совершенны в своем роде.

Но догадаться нам несложно, впрочем,
Что вместе с ними могут выполняться
Законы сохранения *средоточья*.

Так, неизменной может оказаться
Его цена для каждой ипостаси.
Но мы предпочитаем заниматься

Другим вариантом, как бы ни опасен
Был ход всех наших размышлений, если
Действительность мы в чем-то приукрасим.

Итак, предполагать мы будем честно,
Что постоянен уровень его
В двух главных ипостасях, взятых вместе.

15. Тот, в ком *вещественность* сильнее всего,
Утратит связь событий и явлений,
Все — ниоткуда и ни для чего,

И жизнь полна упущенных мгновений.
Как хорошо, что у подобных тел
Нет разума, а значит, сожалений.

16. Теперь займемся теми, кто сумел
В себе понизить степень уплотнения,
Причем за это выиграть успел

Не только в интенсивности движенья:
Все меньшая телесность нам дает
Все большую свободу в поведенье,

Все чаще случай за собой ведет.
А при развоплощение слишком сильным
Совсем изменится событий ход.

Есть грань между большим и малым миром,
И те, кто смог ее переступить,
Сумеют, как бы с легкостью факира,

Чуть больше, чем одну судьбу прожить.
И будут в двух местах одновременно,
Пока нам не придет нужда следить

И расставлять ловушки вдохновенно,
Чтоб в них попал материи клочок
С историей простой и несомненной,

Но виноват в том будет наш силок,
Ведь это он поднимет *средоточье*
Обратно за критический порог.

Часть 2

1. Среди частиц, летающих во мгле,
Отмеченных особенной печатью
Немало в космосе и на Земле.

Они способны как бы к восприятию
Других, так же отмеченных частиц,
К их притяженью или неприятью.

Мы посвятим им несколько страниц,
Начав с предположения о том,
Что вне каких-то рамок и границ

Всеобщий выполняется закон:
Кто существует в данной ипостаси —
В ней некоторым весом наделен,

Способностью к влиянию и властию
Над каждым из соседей рядом с ним,
Поскольку все они — в единой массе.

И этот дар — он неуничтожим.
И, что б с ним дальше ни происходило,
Но от частицы он неотделим.

2. Обычно проявление данной силы,
Как принято в природе неживой,
Однообразно, тяжко и уныло.

Но есть тела, где этот дар — иной.
Он порожден в одной из ипостасей,
А проявляется совсем в другой.

Как будто им разъять себя на части
И наизнанку вывернуть велели,
Чтоб получить в той, новой ипостаси

Одну частицу — но на самом деле
Их несколько, с единою судьбой,
Друг с другом совпадающих в пределе.

Поэтому частица за собой
Соседей увлекает по цепочке
И выворачивает целый слой.

3. Но, даже взятые поодиночке,
Они своих способны разглядеть
Из нескольких слоев, таких же точно.

Волнуясь, точно можно не успеть.
Они встанут в ряды, шеренги строят,
Образовав невидимую сеть.

И вот такие, общие по крови,
Все время друг от друга убегают,
Боясь усилить вывернутость слоя.

Но их удерживает власть другая,
Вторая сущность, самой чистой пробы,
Для данной ипостаси — основная.

4. К тому же мир, где мы живем, особый:
Прямой и тонкий, якобы в движенье,
В нем много мнимой доброты и злобы,

И просто парного противопоставленья.
Так, выворот обычно происходит
В двух противоположных направлениях.

Свои с чужими в строй единый входят,
Мы грань меж ними не определим,
И в каждой паре, в двойственной природе,

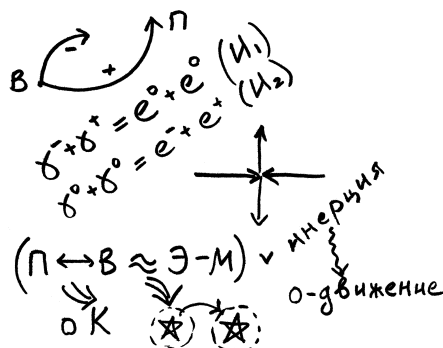
Один стремится слиться со вторым:
Мир вывихнут в самой своей основе
И вправить этот вывих надо им.

5. Но только если попадутся двое
Как пара близнецов, во всем похожих
За исключением поворота в слое,

Только тогда стремленья их, быть может,
Успехом увенчают сей сюжет:
Они друг друга как бы уничтожат,

Хотя при этом возникает свет
И начинается бурное движенье.
Но свет ущербен, в нем почти что нет

Той силы, что должна быть от рожденья:
Вместе с заемной сутью основная
В двух противоположных направлениях

Из данной ипостаси ускользает.
И там, с изнанки мира, сила эта
В свой строй, как часть единого, вступает.

А мир, который залит белым светом,
Не ведает про двойственность его,
Не ищет в нем вопросов и ответов.

6. Мы видим перевернутый пейзаж
И слышим плотность воздуха в движенье.
Мы создаем вокруг себя мираж,

Насколько позволяет вдохновенье
И опыт. Так, едва вступая в жизнь,
Ребенок начинает обучение:

Он должен знать чужие миражи
Так прочно, чтобы их считать своими
И не поймать себя на этой лжи.

Мы верим в то, что создано другими,
Кто жили раньше и живут сейчас.
Мы выдумкам присваиваем имя,

Мы признаем их красоту и власть.
Они нужны — хоть их уже не счесть —
Как нечто, обрамляющее нас.

Мораль и долг, достоинство и честь,
Любовь, искусство, истины образчик —
Нам кажутся — мы думаем, что есть.

И этот мир, придуманный, манящий
Ты не посмеешь вдребезги разбить,
Пускай в нем нету правды настоящей.

Но чтоб любить и верить, просто жить,
Необходим еще один, привычный
И самый главный призрак, может быть.

Нам кажется всегда, что наша личность
Имеет цель, как пуля, как стрела.
Нам кажется (ведь мы несимметричны),

Что с каждым вдохом мы теряем план
И с каждым вдохом обретаем снова...
Иначе б не было добра и зла,

Событий древних и событий новых.
Но почему изменчивость свою
Мы всей Вселенной приписать готовы?

А сколько разных правил восстают
На этом допущении случайном,
На том, что мы возводим в абсолют

То ль нашу память, то ли наши чаянья!
И что же, отказаться и забыть
Все, что насочиняли мы нечаянно?

Но это означает разделить
Судьбу портретов, вынутых из рамы
И брошенных... Так как же поступить,

Чтоб правильно, и честно, и упрямо?
...Бесстрашие — пусть будет твой пароль,
Когда ты станешь персонажем драмы,

Когда тебя ведут, ведут сквозь строй
От самого рождения до смерти
По безупречно горестной кривой,

Которую ни взвесить, ни измерить.
И, вспыхивая, гаснет твое Я,
Способное запоминать и верить

Сквозь плоские картины бытия,
В которые тебя лицом швыряют.
И это — жизнь бесценная твоя!

7. Узнав, что есть другая точка зренья,
И обретя чутье совсем иное,
Вернемся к нашим прежним рассуждениям.

То, что считалось выворотом слоя,
Теперь точнее можно понимать,
Как сдвиг иль перекося, источник сбоя

В двух разных направлениях опять.
И, подавляя древнюю привычку
К движению, мы будем представлять

Наш мир ненужно, глупо симметричным.
Таким, который можно объяснить
В словах понятных и вполне обычных.

Два тела, обреченных жизнь прожить
В какой-то ипостаси — если вспомнить —
Способны свою сущность проявить,

Влияя друг на друга по закону
О том, что две частицы, вставши в строй,
Стремятся, в направленье отвлеченном,

Как вдоль оси симметрии какой,
Соединиться — в той же ипостаси,
Однако разбегаются — в другой.

8. И исключения не так уж часты.
И этого достаточно вполне,
Чтоб безрассудной смелости набраться

И предсказать движение планет,
А также совпадение каждой вещи
С самой собой в течение долгих лет.

Стремление друг к другу бесконечно.
Но в ипостаси, для себя чужой,
Мы узнаем, как мир наш переменчив,

Как невозможно сохранить покой.
А чтобы свет наш не был пуст и сир,
Мы примиримся с верою простой

В кипящий и раздвоенный эфир.
Так надо, потому что сила эта
И движет, и удерживает мир.

Она поможет разгадать секреты
Янтарной магии, и мнимость расстояний,
И все, на что способен мозг поэта.

Часть 3

1. Наш мир, конечный или бесконечный,
Мы назовем кристаллом, где кристалл
Есть символ его правильности вечной.

Но, как никто еще не создавал
Кристалл, лишенный примесных вкраплений,
Так и вообще в начале всех начал

Лежит возможность чудного явления.
Недаром нам пословица гласит,
Что в жизни правил нет без исключенья.

2. Казалось бы, нас это тяготит.
Мы жаждем безопасности уютной,
Когда известно все, что предстоит.

А все-таки, идя дорогой трудной,
Как часто защищаем мы себя
Всей силою надежды безрассудной.

Ребята, что еще не говорят,
А только исподлобья смотрят круто,
Бегут, шатаясь, падают, кричат,

Настойчиво, упрямо веря в чудо,
И, с детской непреклонностью сердец,
Разучивают сказки почему-то.

К тому же жизнь задумывал хитрец,
В ней нет уверенности настоящей:
В ней каждому назначен свой конец.

С годами ощущаем мы все чаще
Холодную, тупую боль в груди,
Как обещанье казни предстоящей,

Как неизвестность где-то впереди,
Где не помогут мысли и слова.
Как хочется себя разубедить!

Вдруг в космосе изменятся сперва
Законы, управляющие им?
Нам хочется немного волшебства.

3. Но всем, кто ищет чуда, поясним,
Что удивляться, собственно, должны мы
Вещам понятным и вполне простым:

Тому, что все мы почему-то живы,
Тому, что появляется душа
Каким-то образом непостижимым

У каждого рожденного, спеша
Ребенка волей наделить свободной
Как даром сомневаться и решать.

Но мы не замечаем благородно
Таких чудес, почти что регулярных,
Считая их загадками природы.

Зато следить довольно популярно,
Что там распалось или взорвалось
Средь атомов или частиц попарных,

Случайно разлетающихся врозь.
И этот случай как благая весть:
Не все предсказано. Не все сбылось.

4. Итак, нас ждет теория чудес.
Но прежде мы должны предупредить,
Что все стихи, написанные здесь,

Все то, о чем мы будем говорить, —
Не более чем версии, что правдой,
Признаем честно, могут и не быть.

5. Пускай есть свод законов или правил,
Порядок, что над миром вознесен.
Его не объяснить и не исправить,

Ведь этот труд ему не принесет
Ни смысла, ни начала, ни причины.
Он просто существует — вот и все.

Законы эти можно перечислить,
И выучить, и наизусть твердить,
Но это не поможет их очистить

От ложной веры в золотую нить,
В стрелу, пронзающую бытие,
Внутри которого нам доведется жить.

И, доверяя зрение свое
Вселенной, мы так часто воспеваем
Разумность и изящество ее,

Гармонию, совсем не понимая,
Что где-то есть другая красота,
Другой резон и логика другая.

6. В каких-то, нам неведомых, местах,
В пространстве запредельном и далеком
Наш мир безмерно мал в своих чертах

И проявляет, в общем, однобоко,
Еще одну, иную ипостась,
Не названную в прежних наших строках.

И нашим миром правящая власть
Зависит от того, куда в пределе
В пространстве этом удалось попасть.

Как будто злой художник, в самом деле,
Нарисовал ячеистую сеть
И ловит нас, как бабочек, — без цели.

В любой ячейке можно усмотреть
Набор законов, важных и бессрочных,
А сеть тонка, ее не разглядеть.

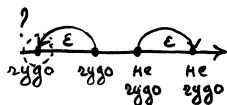
Наш мир, попав в одну из ее точек,
Усвоил тут же правила игры
И подчиняется им абсолютно точно.

Но рядом есть соседние миры,
Живущие законами иными,
С другим набором звезд и мишуры.

7. Конечно, мы с соседями своими
Похожие порядки создаем.
Но нас не это занимает ныне.

Нам надо знать, основаны на чем
Возможные отходы, отступления
От правил, воплощающих закон.

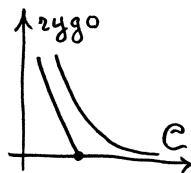
8. Мы предположим, что в нашей Вселенной
Давно царит порядок непростой,
Он обладает свойством неизменным:

В нем несколько слоев, и каждый слой
Содержит список основных законов,
И этот список каждый раз другой,

Хоть много общего в чертах их отвлеченных.
А переход между слоями теми
Прерывистый и, в общем, очень темный.

9. С какого слоя правила и схемы
Подействуют? Зависит каждый случай
От средоточья полного системы.

(От этой меры, странной, вездесущей,
Что мы так долго и довольно точно
Рассматривали в главах предыдущих.)

Есть разные ступени средоточья,
Как уровни, различные во всем.
Мы знаем два, но, может быть, их больше,

Хотя мы их и не осознаем.
(Но, изучив природу, между прочим,
Мы разные науки создаем.)

На стыке двух ступеней средоточья
Обычно и возможны чудеса:
Там гнет законов наших неустойчив

И возникает словно полоса,
Где первый слой уже утратил силу,
А слой второй еще не начался.

10. А править этой областью решили
Слабейшие устои мироздания,
Да от миров соседних исходили

Какие-то туманные влиянья;
И у чудес свои законы есть.
Но гнет законов, общих с нашим знаньем,

11. Все жестче. Волшебство теряет вес;
Хоть медленно, но все же убывают
И тают зоны действия чудес.

12. Еще одна гипотеза простая —
Что полосы загадок и чудес
Подвижны и как будто бы блуждают,

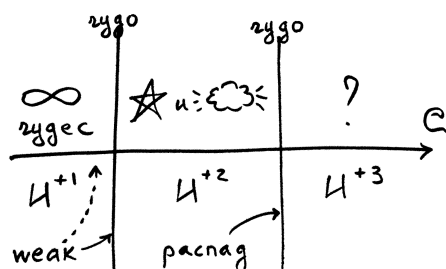

Смещаются, скачками или без.
И в прошлом (даты мы не знаем точной)
Возможно было провести разрез

Как раз по той ступени средоточья,
Где все, что мы когда-то создавали,
Где заполнялись наших жизнью строчки.

Как будто на пороге мы стояли
Меж светлую и темной стороной,
И там поочередно подпадали

Под действие то первой, то второй.
Мешались быль и сказка, зло и нежность...
Не оттого ли в памяти людской

Так много мифов и легенд нездешних,
Необъяснимых с нашей точки зренья,
Обычных — по законам жизни прежней?

Век золотой, эпоха сновидений,
Сражения титанов и богов,
Рагнарёк¹ или Кроноса паденье —

Все кончилось, и новый мир суров.
Произошло смещение чудес:
Наверное, распалась сила слов,

Быть может, изменился цвет небес.
И в мире видимом теперь свободы нету,
И только у частиц свобода — есть.

Но какова судьба свободы этой
С дальнейшим измененьем рубежа,
Конечно, остается без ответа.

Часть 4

1. Куда и как нам суждено пройти
За всем известной роковой чертой?
Издревле существуют три пути.

¹Сумерки богов (герм. миф.). — Здесь и далее примечания автора.

Померкший свет и ужас ледяной,
Беспамятство, ничто, небытие —
Вот первый путь, осознанный тобой.

2. Но сердце воспротивится твое,
И ты, желая света и тепла,
Замыслишь продолжение свое,

Иную жизнь, свободную от зла,
Где вечный мир, и правда, и покой,
Где нам воздастся за наши дела.

3. В ней — древняя надежда, путь второй.
Но страшен бесконечности закон.
Тебя сомненья мучают порой —

Что хуже: вечный ад иль вечный сон,
Где ничего уже не изменить?
И скучен душ блаженных унисон.

И ты захочешь снова жизнь прожить —
Растеньем, зверем — ведь не в этом суть.
За прошлые ошибки заплатить,

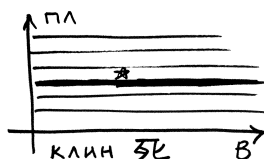
Беспамятную молодость вернуть,
Чтоб мир тебя продолжил удивлять...
И это третий и последний путь.

4. И все, что можно здесь перечислять:
Чистилище и асфodelей луг,
Законы кармы или благодать —

Все тех же мыслей изначальных круг,
И в каждой есть свой смысл и свой посыл.
Но в этих рамках тесно станет вдруг,

5. Когда родятся, наберутся сил,
Все те, кто не считает непреложным
Различие между «будет», «есть» и «был».

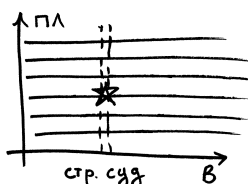
Им в нашем мире выжить очень сложно,
У них иные песни и мечты,
Им одиноко, сумрачно, тревожно.

Они всё ждут тоскливой пустоты,
Когда неугомонный разум твой,
Достигнув максимальной высоты,

Чуть-чуть назад вернется за тобой —
И мир внутри тебя перевернется.
Им кажется, что это — путь домой.

6. И даже если жизнь в кольцо замкнется,
Им бесконечный, безначальный след
Желанней новых стран, земли и солнца:

В основе ведь лежит один сюжет,
Который все равно уже известен.
Один цветок не хуже, чем букет,

Одна звезда не меньше всех созвездий.
Конечно, если доставало ей
Величия, и красоты, и чести.

7. Но это не конец, и часть людей
Так сможет изменить свое сознание,
Чтоб исказить чередование дней,

Остаться в полумраке и в молчанье,
Когда вся жизнь — в тебе, перед тобой,
Как будто Страшный Суд настал заране,

Но не всеобщий — персонально твой,
Где приговор давно уже не важен.
И каждый новый век ведет с собой

Все больше их, сумевших эту стражу,
Как обитатель Замка, отстоять.
И все, кто на Земле, решат однажды

Рассвет последний вместе повстречать.
В истории людей многострадальной
Поставить точку. Этой точкой стать.

8. Но если вдруг покажется печальным,
Неправильным предложенный исход
Или, напротив, слишком тривиальным,

То ты сумей придумать в свой черед
(Как должен сделать обитатель Замка)
Еще один великий переход.

У каждой стороны — своя изнанка,
Свои изъяны — в каждом направлении.
Но все-таки попробуй в прежних рамках

Все лучшее, что может быть в движении:
Открытия, и подвиги, и страсть —
Слить с полной невозможностью забвенья,

Оберегать и видеть научась,
Всей жизни впечатления былые,
Как неотъемлемую ее часть.

И — древние и вечно молодые —
Мы на планете истинных людей
Поселим наши образы живые.

Часть 5

I

1. Смущенные усталостью Вселенной,
Крупнейшие ученые с нуля
Отыскивали точки разветвления,

Конец определенности суля,
И намекали на односторонность,
На *стрельчатость* законов бытия.

2. Но в дне сегодняшнем есть неопределенность.
Как перекресток множества дорог,
Он призрачен. И чует обреченность

Дрожащий мир, шагнувший за порог
Вчерашнего: не может разобрать,
Что было в раньше отведенный срок.

Вариантов прошлого ему не исчерпать.
(Хотя в грядущем больше есть путей
И вспомнить легче все ж, чем предсказать.)

И нам события минувших дней —
Как звуки, где полно обертонів.
Нет четкости в рисунке мелочей.

И каждый миг ты наблюдать готов
Как разветвление, так же и слиянье
Бесчисленного множества миров.

3. Хотя для нас, конечно же, нормально
Всю жизнь, блуждая разумом, искать
Ту нить, что будет мниться генеральной,

Единственной, и вечно собирать
Неясный образ прошлого — как сон.
Но можно ль хоть отчасти доказать,

Что многие миры сошлись в одном?
Ведь есть историков противоречья
И то, что ложной памятью зовем.

II

1. Придумав мир искусственных желаний,
Ты можешь впредь обосноваться здесь,
Не средь вещей, а среди их названий.

Но как-то, глядя в синеву небес,
Ты все поймешь иначе и спонтанно,
Начав с того, что бог, конечно, есть.

2. Есть бог, творящий в мире неустанно,
Он создает людей, раба к рабе,
Сейчас, ежесекундно, беспрестанно,

Смеясь и не внимая их мольбе,
И не желая видеть в людях больше,
Чем образы, подобные себе.

Но не во всем царит единобожье,
Ведь каждый, каждый хочет богом быть.
И вот толпятся, лезут вон из кожи,

Мешая планы мироздания слить
В единое, не ведая счастливо,
Что могут по ошибке *натворить*.

(Не оттого ли противоречива
Душа всего живого существа?
И потому особенно красива,

И этим чудом, собственно, жива.
Вот камень мертв — и господу понятен.
Тут спорить не о чем... Почти... Сперва...)

Но в жизни было б больше белых пятен,
Когда бы боги не толкались в ней,
Ведь каждому особый строй приятен.

Так многобожие творит верней
И делает свободными нас боле,
Чем чей-то цельный замысел вещей.

3. И такова свобода нашей воли,
Что мы способны богом ощутить
Себя. Свои мечты о лучшей доле,

Когда их невозможно воплотить,
Мы бережем; мы любим, мы желаем
Взамен героев вымышленных жить.

И до могилы нас сопровождают
Какие-то неясные миры,
Картины, о которых мы мечтаем,

Как маяки, а может быть, костры.
И править ими всеми так занято,
Выдумывая правила игры,

Которые твоей душе приятны,
Которые, как сказано уж было,
Ее масштаб наследуют изрядно.

4. Один создаст себе пейзаж унылый,
Где правят жажда золота и власти;
Другому сердцу ритмы танцев милы,

А третьему — биенье темной страсти.
А чей-то мир — бескрайний океан,
Где вечно мореходы сушат снасти.

5. И часто нами созданный обман
Похож на мир, который все мы знаем:
В его основе тот же самый план.

Один фантаст иль сказочник меняет
Какой-нибудь из принципов решенных,
Да иногда ученый созидает

Мир отвлеченных символов взнесенных.
Однако меру надо знать во всем.
Ведь Новый Свет, тобою сочиненный —

Он может стать за смертным рубежом
Твоей наградой или воздаяньем:
Придумал мир — так и живи же в нем!

6. Но пусть не нам назначено призванье
В свои мечты навеки удалиться.
Тогда встревожит сонное сознание

То, что мечты способны воплотиться.
Не в будущем — тот случай слишком прост,
Нет, наша мысль не прекращает длиться

В иных мирах, ведущих счет и рост
Помимо нам известного доселе
Учения о численности звезд,

Но существующих на самом деле.
Недоказуемо, хотя красиво:
Твои мечты живут, страдают, верят

И в свой черед творят мечты счастливо...
Мы тоже — часть мечты кого-то, где-то
Следящего за нами терпеливо:

Он, посторонний, выдумал все это.
А кто-то третий выдумал его,
Его светила и его планеты.

7. И если горечь в мыслях у кого —
То новый персонаж уже заранее
Предрасположен к ней сильнее всего,

И жизнь ему — как божье наказание.
А тот, кто воплощен в его мечте,
Способен и на большее страдание.

И в мыслях у него возникнут те,
Кто ради веры на костре сгорает
Иль завершает путь свой на кресте...

Минута гневной вспышки порождает
Цепочку палачей со злобой в лицах,
И ненависть в их душах возрастает.

Так и любовь не перестанет длиться,
И доброта, и жадность, зло и страсть —
Все, все на чьих-то жизнях отразится.

А это и ответственность, и власть,
И тяжело бывает это бремя,
Так тяжело, что сложно не упасть.

8. Но суть поступков наших, в то же время —
Не в нашей бестолковой суете.
Мы — только часть всеобщего строенья,

Есть нить, протянутая в пустоте,
Влекущая создателя к созданию,
Творца — к делам его, мечтателя — к мечте.

Но в ней не строгость полотняной ткани,
Скорее беспорядочность клубка,
Обрывков перепутанных и рваных.

Бывает, мода, стиль или приказ —
И все мечтают об одном и том же,
В пустых деталях путаясь слегка,

А это означает многобожье
Для персонажей модного сюжета
(Для символов ортодоксальных — тоже).

Бывает, мозг безумного поэта
Насочиняет тысячи планет.
В них мысль его слегка переодета,

Но все же узнаваема вполне.
Так почерк бога в каждой божьей твари
Един на белом свете и во тьме.

9. Но в этом беспорядочном кошмаре
Любой из нас найдет, как я и ты,
Того творца, с которым будет в паре,

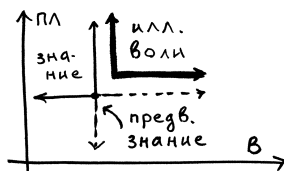
Как будто волны схожей частоты.
Ты связан с ним особенным везеньем:
Ты — главный персонаж его мечты.

Лишь иногда, на несколько мгновений,
Мы можем эту связь предощутить,
В минуту счастья или вдохновенья,

А после — долго и ненужно жить,
Служа объектом для слабейших связей,
Чтоб фоном чьи-то подвиги снабдить.

10. Но даже если этот стих неясен,
Мы выдвинем еще один вперед.
Еще сложнее и еще опасней.

В природе нет скачков или пустот.
От автора к герою представленья
Возможен непрерывный переход.

11. И, кстати, у кого-то проявление
Мечты — в его же собственной судьбе.
Другой отталкивает воплощение,

Создавши жизнь иным, но не себе.
В его душе царит закон жестокий:
О чем мечтал — не суждено тебе.

12. Но почему? Обдумав эти строки,
Мы вот что предположим на сей раз.
Быть может, существует одинокий,

Вне наших связей, тот, кто выше нас?
Он основные правила создал,
Что правят мирозданием сейчас.

Что ж, перевоплощений череда,
Допустим, подведет твоё сознание
На внешний, высший уровень, туда,

Где встанешь в ряд с вершителями знания.
Тогда, оценивая их умы,
Творившие законы мироздания,

Поймешь: они такие же, как мы,
Но более высокого порядка,
И тоже рвутся из своей тюрьмы.

И кто-то назначает их догадки,
Как и твоих перерождений бред,
Твои поступки и твои повадки.

13. А чувства и мечты? Ответа нет.
Наш долг не меньше и, увы, не боле,
Чем правильно исполнить свой сюжет,

А изменить его — да кто ж позволит!
И вот играет в пьесе без названья
То злыдень, то страдалец поневоле.

14. Но тот лишен свободного сознания,
Кто тут же не задаст себе вопрос:
Возможно ли обратное влияние?

Возможно ль обернуться в полный рост,
Восстать на автора своей судьбы грядущей?
Хоть этот бунт, конечно же, непрост.

А вдруг поможет случай вездесущий,
Или схлестнутся боги вдалеке?
Но ты захочешь зрелища получше:

Твой бог, в твоей трепещущей руке.
Так может быть смешна марионетка,
Иль кукловод на чьем-то поводке,

Иль кукла, убежавшая из клетки.
Грозя богам и путы разрубя,
Ты жить захочешь по своей наметке,

Но знай: в ответ, твой замысел губя,
Твои мечты и все твои герои
Восстанут точно так же на тебя,

Ведь сдвиг возможен только в целом слое.
И одному тебе, увы, решать,
Насколько этот факт тебя устроит...

Из цикла «В помощь изучающему
дифференциальные уравнения»
(1993–1994)

**Часть первая
(трагическая)**

Материал для запоминания:

теорема Пеано, теорема существования и единственности, продолжаемость решений.

Любая интегральная кривая при выходе на границу области покидает любой компакт.

Кривая с компактом прощалась,
Трагически график согнув:
Ее переменная мчалась,
Не медля и не отдохнув.

Она позабудет назавтра
В объятьях компактов других
И замкнутый облик компакта
Начальных значений своих,

И страх прекратиться случайно,
Разрыв обнаружить в себе,
И долг — устремляться, и тайну
В своей — бесконечной? — судьбе,

А каждый компакт ограничен...
Растет градиент все быстрее.
Того, кто знаком и привычен,
Покинуть приходится ей.

Компакт, неподвижный, застывший,
Кривых не удержит с собой.
Компакт измерением выше
Любой интегральной кривой.

Они в каждой точке возможны,
И каждая так неверна,
Они непрерывно похожи.
И все же они — не она.

О, да, он кривыми пронизан,
Он полон кривыми до дна,
Им мера — континуум брызг,
Но данная — только одна.

Часть вторая (патетическая)

Материал для запоминания:

методы решения дифференциальных уравнений первого порядка, разрешенных относительно первой производной.

Слышишь, Господи? Я — уравнение!
Утверждение, закон я и знак!
Я — твоё золотое творение,
Мой творец, мой создатель, мой враг.

Был так хрупок мой мир и ничтожен,
Что не смог ты меня оценить.
Ты создал человека, о, Боже! —
Чтоб решить меня, то есть убить.

Он был червь, неумелый, несмелый.
Он был глуп, я на этом стою.
Он линейной замены не сделал,
Чтоб узнать однородность мою!

Мою юность, мою однородность,
Как ненужную... В несколько строк...
Бог! Ты видел его непригодность?
Не создать, лишь убить — он не смог.

И со мной не могло быть иначе.
В этом боль. В этом все, вся печаль.

Скрип дробей мое горе оплачет.
Но как жаль, как же все-таки жаль.

Стать Риккати велел уравнением
И о прошлом скорее забыть.
А во мне шевелилось решение.
Моя гибель. Но как же мне быть?

Чтоб росло оно трепетным, томным,
Не щадить живота своего?
Был мой первенец мертворожденным:
Человек не заметил его.

И рука мою плоть искромсала.
Он задумал в угоду богам,
Чтоб два полных дифференциала
Сторожили меня по бокам.

Интегрирующий ища множитель,
И страдал, и томился он мной,
И к тебе, всемогущий мой Боже,
Обращался с тоскливой мольбой.

Ты не сжалился. Он был так мерзок,
Был, меня искалечив, так слаб,
Так в своем унижении дерзок
На тебя столь похожий твой раб.

Я решило: пусть будет, что будет.
Я не ведало страха, о нет!
И каким-то немыслимым чудом
Я ему подсказало ответ.

Но зато родились мои дети,
Мои дети, решенья мои,
И рванулись, невинные черти,
В бесконечность, а кто-то — в нули...

Вот и все? Но, позволь, я осталось
Среди книг и тетрадок, в пыли.

Миллиарды секунд отсчитались,
Бесконечные жизни прошли.

Я дождусь. И какой-нибудь подлый,
Зная тайны мои наперед,
Вновь твое повеленье исполнит.
И во мне однородность найдет.

Слышишь, Бог? Я — бессмертное тоже!
И решение мне — не конец,
И тебе меня не уничтожить,
Мой создатель, мой враг, мой творец.

Часть третья (ужасная)

Материал для запоминания:

решение линейных систем дифференциальных уравнений.

*Они завязнут в тине чисел и законов,
Забьются в бешеной агонии без цели,
Зальют свое лицо бесплодным потом,
Услышат, как трещат их собственные кости.*
Ф. Г. Лорка

Тая в себе труху истлевших книг,
Заученных с нередкостным упрямством,
Твердя, что слов и знаний груз велик,

Непредсказуемым непостоянством
Всей нашей жизни странно возмутясь,
В неизмеримом фазовом пространстве

(Где, точно в зеркале, весь мир наш, отразясь,
Вас ожидал или еще кого-то)
Вдруг очутившись, ощутивши власть,

Решив, чтоб покорить это болото,
Измерить его, взвесить, расчленив
И предсказать грядущие заботы,

Сплета системы уравнений нить
Из миллиардов неизвестных функций,
Забыв, что значит есть, и спать, и пить,

Соединив усилия безумцев,
И ни частицы вскользь не упустив,
Не позволяя отступить, согнуться,

Безжалостно бросая на пути
Запутавшихся в коэффициентах,
Чтобы в гигантской матрице свести

Судеб неуловимые моменты,
И щурясь, если гнезда ее глаз
Вдруг вспыхивали ядовитым светом,

А вектора, нацеленные в вас,
Пугали тяжестью толпившихся в них чисел,
И ошибаясь сотни тысяч раз,

Но все стремясь в таинственные выси,
И из тетрадок, словно из сетей,
Освободив решение силой мысли,

И вычисливши смерти день своей,
И тень давно заброшенной могилы,
И миражи оставшихся вам дней,

Сложив песчинок маленькие силы,
И муки звезд, колоссов и колосьев,
Предвосхитив движенья душ, вам милых,

Но то, что мы и мир увидим *после*,
Преодолев часов всесильный тик,
Вы не посмеете узнать (Вопрос вопросов)

Записки безумца (1994–1995)

ИСПОВЕДЬ БЕЗУМЦА

Трупы тоже умеют смеяться.
Трупы даже умеют любить.
Мертвецов. Их не надо бояться.
Я вот умер, а вынужден жить.

Только нынче — я вновь — как я рад! —
В беззащитную кожу обернут.
Пусть безумие — боль, дыба, ад,
Но еще — воскресенье из мертвых.

ДНЕВНИК БЕЗУМЦА

Алкоголь

*Мечтательно, тонким голосом, понижая
его к концу стихотворения*

Зеленую маму я выродил сам.
Ее покатать на машинке не дам.
Мы будем кусавок под кожу пускать,
Отшлепаем их, если будут кусать.

Вот только немножко еще попоюсь.
Я был... А тебе я уже не гожусь?
Да я (сапожочек до краю залит?)
Хочу — и не буду... Душа жжет, болит.

Бешенство

Презрительно

В душеньке благопристойной
Бродит бродяжий напев.
В ее глубине покойной
Рождается гнев.

Позволь же себе осмелиться,
Если от боли душа зашлась,
Не разрыдаться, а просто взорваться
Хотя бы один раз,
Без разума, в темноте лица.

Упитья своим одиночеством.
Мой смертный грех. Гнев.
Пророчествовать, пророчествовать,
Руку поднять на — всех.

Преодолеть любые страдания
Разве смогли бы скромные?
Скромные станут стройными.
Нам нет преград на дороге в ад,
Так смейтесь над покаянием!

Скрутить их, паршивых, подлых людишек
Взглядом. Да разве их вина,
Что могут сквозь зубы лишь выдавить жалкое: «Тише!»
О, дерзкие!
И расплатиться резкой
Болью в сердце сполна.

На «Прости!» прокричать: «Бог простит!»
Чью-то осклизлую руку сбросить с плеча,
Замолчать
И уйти,
Гадкими улицами грохоча.

Влюбленность

Задумчиво

Опять кружится голова.
В бреду сгорает плоть опять.
Все те же я шепчу слова:
«Не потерять! Не потерять!»

Еще ничтожных душ бегу,
И глаз теплом — еще пленить.
Как сладок страх, что не смогу
Все сохранить, все сохранить.

И **что-то** — не оборвалось,
И боль еще не потушить,
И не захохотал вопрос:
«Как дальше жить? Как дальше жить?»

От волшебства секунд-эпох —
Тщеславные, пустые дни.
Осталось лишь молиться: «Бог!
Любовь верни!

Любовь верни».

Глупость

Устало

За домом дождь холодный шел.
Картина!.. Я рукой провел.
Я создал мир. Хватайте холст! Все, что я видел!
Судите то, что знать нельзя!
...Болят глаза... Мои глаза!
Я обожал себя и — ненавидел.

А нынче я себя терплю.
Я спать хочу, я много сплю.
Я стал богат. Никто из прежней дружбы

Не скажет мне, что я — не тот.
Я, бывший гений, идиот,
Внимательный, галантный, добродушный.

Уж лучше б капал я слюной,
И был бы взгляд бессмыслен мой,
И я б мычал, счастливый, брови жмуря,
В восторге, если замарал
Постель. Но не ходил в подвал.
Тот, где мои полотна и скульптуры.

Где под дыхание картин
Касаюсь зелени патин.
Куда ушел мой дар? Пришел откуда?
Нет, с ними я не говорю,
Я только копии творю,
Свершая раз за разом это чудо.

Ностальгия

С любовью

Я жизнь свою задвинул в чемоданчик
И запер в сейф. Но будет хмурый день.
Я взглядом не вопьюсь в дрянной романчик,
Убогий фильм смотреть мне станет лень.

Я захочу вернуть былые беды,
Вновь пережить тот год, где милый ад,
Вновь пережить вчера: мечты, победы —
И эту боль, секундою назад.

Мне станет жаль разбившуюся чашку,
И сломанный забытый карандаш,
И тряпку, что была моей рубашкой,
Снесенный дом, он был когда-то наш.

Я поклянусь все, что ушло, запомнить.
И мне нельзя помочь. Забыть нельзя

Ни мысль, ни слово. Ах, мне из бездонной
Из глубины вызывают голоса.

Гордец и бес в лучах надежды тонет.
Мир покорят блестящий ум и взгляд...
Он одряхлел, забыт. Он похоронен!
Сто лет назад! Он сгнил! Сто лет назад!

Влюбленные соединяют руки
Пять сотен лет назад, в глухой стране,
Не зная наших радостей и муки.
Они совсем не знают обо мне!

Раб Времени, необычайно смирный,
В бессмысленной и тягостной борьбе
«Не изменяйся!» — закричу я миру.
«Не изменяйся!» — закричу себе.

И вот тогда, душа себя в объятьях,
Чтоб отмотить нездешнюю тоску,
Свое неумолимое проклятье
В отчаянье любовью нареку.

Страдания стариков, но я... я молод!
Все — жизнь. Хрустите, кости! Все забудь!
Но тихий голос, трезвый, словно голод,
Предскажет на три дня дальнейший путь:

«Сломается, сломается напрасно
Твое безумье, боль, любовь твоя».
А все-таки понять мне будет страшно,
Что вместе с нею умираю я.

Останется холодный страх фантома,
И, духотой дыхания дыша,
Поселится в давящих стенах дома
Трусливая и подлая душа,

Пустышка-дрянь, без воли, без стремлений,
Кривые губы и нормальный взгляд.
А я уйду в единственное Время,
Которое не повернуть назад.

Одиночество

Шепотом, дружелюбно

Привет, мое странное отражение!
Как живешь?
Давай, я тебе подмигну, я ведь скоро усну,
И ты от меня уйдешь.
А снаружи все солнце и дождь.
Дождь.
И солнце.
Не поверишь, как часто мое лицо завтра всем улыбнется.
Почему только нам с тобой известно истинное его выражение?
Почему, мое отражение?
А когда мы с тобой умрем,
Вдвоем,
То никто никогда не узнает, какими мы были.
Куда все уплыло, ушло?
Помнишь, эти, семья и друзья,
Все — чужие,
Заводные болванчики...
Если бы мы с тобой верили, что в мире хоть кто-нибудь есть!
Один как перст...
Перечитывай старые глупые книжки в молчании
Десять раз, сто раз... И все-таки мне повезло,
Потому что я завтра устрою кому-нибудь что-нибудь доброе
И не признаюсь, что я, словно я из обманщиков.
Влюбленные иногда могут проделать нечто подобное,
Чтобы почувствовать тайную связь с сердцем другого.
Здесь нет ничего плохого...
Хочешь, я выполню обещание?

Смысл жизни

1

Тоскливо

Боже, которого нету!
Ты тоже тревожен и сир.
Скажи мне, если узнаешь,
На что я пришел в этот мир.

Живут ради удовольствия,
Мечтают о счастье, бедные,
Или собой любят, —
Словно они бессмертные.

В кругу случайных друзей,
Выбранных на всю жизнь,
Быть всеобщим любимцем —
Какой драгоценный приз!

Словно они не знают,
Не ведают наперед:
Скромный песчаный холмик
Их обаянье пожрет...

Если бы цель себе выдумать
На годы, а не на день
И жить, как живет пуля,
Выпущенная в мишень!

Рожденные стать стрелами
Стремятся свое получить.
Но я не умею веровать!
И некому научить.

2

Страстно

Мне двадцать лет. Уже сточились зубы.
Опять неверно прожит день, спеша.
Мои дела, умны они иль тупы,
А в вечности не стоят ни гроша.

Хочу, чтоб мою память вечно чтили
Невыносимой, самой золотой,
Еще чтоб дети жизнь мою учили,
А взрослые кивали головой...

Я не хочу пропасть! Пусть будет жуток
Мой путь, пусть рухну я под тьмою бед,

Умру непонятым, велик и чуток.
Да, я хочу судьбы, которой нет!

Хоть каплю мужества. Хотя бы встретить стоя
Заботы долгих лет. Ждать и стареть.
Дожить достойно, строго. Строго и достойно.
Нет! Я не вынесу! Нет! Лучше умереть!

Страх *Дерзко*

Нет, не я на подушке опухшей
Под одеяло — распятием — лез.
Как из складок моей комнатухи
Похихикивал влажненький бес!

Нет, не я, не зверек, обезумел,
«Дай бессмертья!» — стал в небо скулить,
С каждой хворью дрожал и задумал:
Смерть не стоит того, чтобы жить!

Нет, не я только раз был расколот,
Вдруг отбросив все злые «Нельзя!»,
И молчал обжигающий холод,
Между рук, между ребер скользя,

Про миры, недоступные прежде...
Нет, не я не сумел в них вступить,
Не я обнял подушку в надежде
Дрожью их неподвижность разбить!

Нет, не я. Мне бы этого — мало!
Мне уже не кровать, Земля,
И душе ли зарыться в одеяло?
Нет, не я! Кто же, если не я?

Он, мой страх, безобразней и строже,
Как он часто приходит за мной!
В псах бездомных он, в каждом прохожем,
У окна, за стеной, за спиной,

Он считает свинцовые пломбы,
От него не укрыться во сне,
И ни свечку зажечь, и ни бомбу,
И спиной не прижаться к стене.

Разрывает когтями мне веки...
Но без ужаса — есть волшебство?
Против тусклой сонливости вечной
Я, как щит, поднимаю его!

Он со мной, мой мучитель могучий,
Не предаст, как любовь, не сбежит,
Он расцветит мне дождик и тучу
И в печали меня опьянит.

Я — бретер, безупречный и нервный,
Я иду, как хотел, как посмел,
Чтоб последний момент, как мой первый,
Я беспечной улыбкой согрел.

Тайна *Доверительно*

Под тонкой, нежной кожейю век
На чистом дне души хранима тайна.
Мой Хронос, в вечность твой имею бег,
Ташись, но не умчи нас, мира дай нам.

Лгать во спасенье. Помогите мне Бог!
Взгляд глаз, чуть юн — но вам пыл весь отдам —
Разоблаченья торопить не смогу.
Я Вас люблю, но тайны не продам.

Пусть блеклый день предъявит долг: клясть рай нам,
Покорно смерть помножить, в землю, в снег, —
Умрем мы вместе: я и моя тайна
Под тонкой, нежной кожейю век.

Тоска

Равнодушно

Застывший взгляд устал. Небытия!
Забвения, что было и казалось.
Последний гнев. Припадочная жалость.
Кривляния закончены, друзья.

Безумье, счастье, гений, страх, томленье,
Соль гордости и мужества кулак,
Моя Любовь... Невыносимый мрак...
— Не более чем умершие тени!

Желанья пережиты. Взвейтесь, феи!
И каждый миг все тоньше и страшнее.

Эйфория

Восторженно

По канату — вперед, по канату — вперед,
По тревожному тросу сухому,
А куда я иду — черт его разберет,
А зачем я иду, я не помню.

По канату — вперед, только звезды вокруг,
Как жонглерские шарик, пляшут.
И не видно во тьме глаз и губ, губ и рук
Моих зрителей... В цирке? В чьем? Нашем?

Но за них я скольжу, и твержу, и молюсь:
«Ради вас, пусть я вас ненавижу».
Только если сорвусь, только если сорвусь,
Я их лица, их лица увижу.

Мне бы вниз заглянуть, но нельзя, но нельзя.
Видно ль им, как держу я улыбку?
А вдруг там — никого? Где враги, где друзья?
Все ушли. Я — один, по ошибке.

Вправо — вниз, влево — вниз, вправо — вниз, влево — вниз.
Не сорваться бы мне, не сорваться!
Я устал. — Удержись! — Все равно. — Удержись! —
Как привычно, скользя, оступаться.

Вот бы броситься вниз, вот бы вниз улететь
Невиновным — во всем — виноватым — ...
Но нельзя умереть, но нельзя умереть.
По канату вперед, по канату!

Юродство

Таинственно

Сегодня, в мой четверг пресветлый,
Я птичку божью не съем;
Тебе, друг-червячок бессмертный,
Свое тепло отдам совсем.

Понянчу зернышко пшеницы,
Поглажу муху с пауком,
Вложу персты в твои глазницы,
Скот, убиенный мясником;

И крикну голосом козлиным:
«Так жить нельзя! Так жить нельзя!» —
В исполосованные спины
И обожженные глаза,

Людские ль, скотские ль... Не знаю,
Чья ноша тяжестью полней.
И я за вас за всех сдираю
Коросту с язвочки моей,

Как Иов... И за это вправе
Язвить немножко и дерзить,
И испугать кого-то правдой,
И будущее приоткрыть.

Но, лишь икону обтирая,
Откроюсь в истине простой,
Что я, согнувшись, умираю.
Я! Пораженный добротой!

МОЛИТВА БЕЗУМЦА

Буду жить! Все равно буду жить!
Я еще выживу!
Я из мертвых воскресну, чтоб быть!
Я к себе вернусь!

Стану прежним, и стану другим.
Как я мудр теперь!
За безумие, коим храним, —
Спасибо судьбе!

Ты — спасенье мое, мой зверь!
Нет страшнее наград:
Нет преград — разорвавшим цель,
Победившим ад!

Наши песни (1998–1999)

Trotting home²

— Умерший и воскресший!
Хочешь домой?

Г. К. Честертон

Дальше, дальше...
Ц. Норвид

Исполняется хором басов (Первый хор) и альтов (или сопрано, Второй хор).

Первый хор: Перепутанный мир! Прочь, прощаться не нужно!

Сборы будут легки: нам нечего взять с собой.
Наши души больны. Спасемте же наши души.
И, сохраняя себя, мы восклицаем: «Домой!»

Второй хор: Но это нелегко.

Ты взгляд останови:
Повязка на глазах,
Уста твои в крови,
И путы на ногах,
И запоздалый крик,
И в мыслях лишь один
Миг.

Первый хор: Сделаем шаг назад, сжавши неверные руки

И отвергая миг выбора навсегда,
И не желая знать, как где-то в тумане рухнут
Мертвые наши плечи в мертвые их города.

Второй хор: Так пал Беллерофонт,

Икара скор полет,
Сгорают Фаэтон,
Роняет лук Немврод,
Но больно ли лицом
Землю повстречать,

²To trot (англ.) — спешить, бежать рысью.

Не будет нам дано
Знать.

Первый хор: О, как тяжко свернуть вековечное: «Нет!» —
О, как больно... И вдруг сердце жалость пронзила.
Что же сделали мы. И зачем... Это свет
Запоздавшей любви к побежденному миру.

Второй хор: (*forte, страстно*)

Но ради прежних слез,
И ради бывших снов,
И чтобы сохранить
Тебя, мой каждый вздох!
(*piano, нежно*)
Твой век тебя простит.
И будет эта боль
Последняя твоя
Роль.

Первый хор: Дальше, дальше назад, оставляя в дороге
Тьму последних ночей, и ужас последних дней,
И молитвы, и стон, и насмешки, и Бога,
Что сменял имена, чем старше мы, тем быстрее.

Второй хор: Забудь свое лицо,
Захлопни к звездам дверь,
И нет еще любви,
И нет еще потерь,
И сказки уничтожь,
И клятвы детских лет,
И материнских рук
Нет.

Первый хор: Дальше, дальше, покуда нам, не знавшим надежды,
Хлынет в грудь тишина, свет чужой и суровый,
И с младенческим взором, белой поступью нежной,
Вступим в царский чертог неизвестности новой.

Второй хор: И воплотимся в сталь,
И в мраморе взойдем,
Из книг благословим,
С полотен проклянем,
Но нам ли это знать!
Мы, может быть, найдем,
Быть может, обретем
Дом.

Первый хор: (разделяется на два полухория)

Дальше, дальше, дальше, дальше, дальше...

Последний рассвет

— И больше ничего? Но как же это так?

Ш. Бодлер

*И настанет день, когда исчезнут стрелки у часов, сумрак
и дождь воцарятся, и закрутятся звезды, и люди, лишившись
дыхания, будут вглядываться в глаза мертвых, но не живых.*

Голос, сильный, ровный, безжизненный:

— Не бойся, не бойся, не бойся!
— Но будет ли страшен мой крик,
Когда я увижу, как рвется
И тает мой сумрачный лик?
И из глубины заповедной
Доносится тихий ответ:
— Не бойся, ведь это последний,
Твой самый последний рассвет.

Не будет, не будет, не будет
Ни слез, ни сомнений, ни слов.
Потянется топот обутых
К всеобщему стуку шагов,
В тот мир, где расплывчаты звуки,
Где сложно и помнить, и ждать,
И верить, и стискивать руки,
Но только смотреть и не знать.

Тот день будет серым и хмурым,
Тот ветер — холодным и злым.
Мы взглядом поспешным, понурым
Скользнем по проулкам немым
И, в мире осеннем и чистом,
Не зная, о чем же грустить,
Прозрачным, изглоданным листьям
Последнее скажем прости.

А где-то, в стране недоступной,
Желанной, как радость сама,
Закапают дождиком крупным,
Заплачут пустые дома,
Застонут усталые пашни:
Теперь здесь живет доброта...
По злобе и подлости нашей
Завоет Земля-сирота.

Ведь больше не будет, не будет
Фальшиво смеяться мертвец,
Земля похоронит, забудет
Пыль выпотрошенных сердец,
Исчезнут несчастные тени,
Лишенные дара любить,
И те, кто в тоскливом сомненье
И жить не сумел, и не жить.

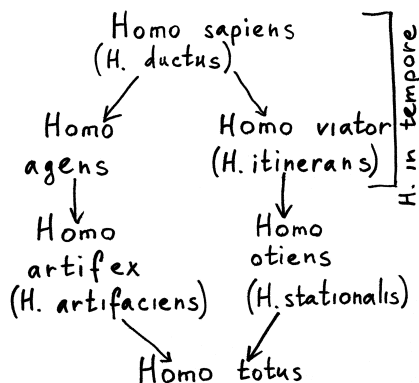
Не бойся, не бойся, не бойся.
Ты падаешь в пропасть без дна.
Расплавится в зеркале Солнце,
Расколется в небе Луна,
И время настанет измерить
Достоинство прожитых лет
И молча и тихо поверить
В свой самый последний рассвет.

Планета Людей

Всем художникам посвящается

Есть на свете страна. К ней влечется незримыми нитями
Все, что живо еще; и обрывки сюжетов, и лент,
Наши вымыслы, песни, как много их, плоских, невидимых,
Улетают титаны, химеры из древних легенд,

И крылатые кони; плывут золотые кораблики:
Надувать паруса не устанут шторма-старички —
На сверкающий берег, в зеленые волны оправленный.
Этот берег спасет от немолчной и страшной тоски.

По Планете Людей наше горе полынное катится,
 Полинявшие краски навечно меняя в литье.
 На Планете Людей исполняется то, что лишь кажется.
 На Планете Людей станет ветром дыханье твоё.

Разве эти ручьи, эти рощи и горы обыденны?
 Они те, и немножко не те, что мы видеть должны:
 То застынут, разорваны солнечным светом увиденным,
 То, безумные, яркие, цветом мерцают больным.

Подойди! Там скрываются люди, и черные тени их.
 Заколдуют — забудешь, что где-то, вне блеска их глаз,
 Были страны иные — поведают судеб сплетения,
 И заводят всё вновь нескончаемый этот рассказ.

Как их пальцы точны! Как их жесты и взгляды пронзительны!
 Как одежды живы и легки, как теплы голоса,
 И росинкой, единственно верной, навечно пленительной,
 Каждый раз ускользает, сверкая, все та же слеза.

Там герои, и те, кто рожден ради фразы единственной,
 И навечно молчащие: разные судьбы у всех, —
 Там бумажные души нас молят о взгляде таинственном,
 Чтоб свершились их подвиги, чтоб совершился их грех.

А другим суждено от рождения быть неизменными,
Неподвижны их самые мысли, и скован их взгляд,
Им не сдвинуться с места, но воздух наполнен их пением.
«Только мы-то и истинны! — молча они говорят. —

И не смейте жалеть наш удел, мы-то знаем: ужаснее
Ваша мертвая жизнь нашей смерти живой во сто раз.
Пусть у нас только миг! Он ценнее, чем век, он прекраснее.
Так задумала воля и руки создавшего нас».

А иных просто нет, и живет только голос страдающий,
Голос мчится в плену безупречных сверкающих стен,
Этот голос растет, эти стены дрожатся, ломаются,
Замыкая круги, завершая, венчая их плен...

И останется смелый — героем, и любящий — гением,
А подлец — подлецом, обнажится любая душа,
И изгнанникам будет дарован покой и забвение.
(Тем, кто жизнь ненавидел, и горькая смерть хороша.)

На колени. Счастливые слезы в ресницах забрезжили.
На Планете Людей эта боль, как причастье, свята.
И сердца будут плакать и биться, слабей от нежности,
И не смогут разбиться, забыть, замолчать — никогда.

АНТИСТИХИ (1999–2001)

Работа для любопытных

(Ш. Бодлер. Цветы зла. СХХV. Мечта любознательного³)

*В этой жизни умирать не ново,
Да и жить, конечно, не новей.*

С. Есенин

*Познал ли ты, как я, блаженное страданье
И сам в чудачестве сравнил ли со мной?
Я думал умереть. И ужас, и желанье,
Как редкостный недуг, росли в душе больной.*

*В тоскливом чаянье, без бунта, без дерзанья,
Чем тек быстрее песок в клепсидре роковой,
Тем злее было мне и тягостней терзанье,
Всем сердцем рвался я покинуть край родной.*

*Я, как дитя, мечтал скорей увидеть пьесу
И ненавидел мне мешавшую завесу.
И вот передо мной возник студеной правды мрак,*

*И мирно умер я, объят зарей холодной...
И больше ничего? Но как же это так?
Поднялся занавес, а я все ждал бесплодно.*

Кто ошибиться мог так жутко и нелепо?
Скажи, кто заплатил за глупость так, как я?
Я жить хотел... В стране отшельников и склепов
О ясном свете дня молилась тень моя.

И, воплотившись, я увидел свет и тени
Уродливой земли. Но бедный блеклый день

³Перевод С. Петрова.

Пред-воплощеньем мне казался, пред-виденьем
Мечты, велевшей мне отбросить смерть и лень.

...Истаявшей рукой я зеркало придвинул.
Взглянуть в свои глаза, чей блеск навеки минул,
Стряхнуть с себя тот сон, в котором жизнь прошла.

Оправдан был мой труд, и муки — не случайны.
Я заслужил свой мир. Волшебный. Беспечальный.
Моя мечта близка...
А это смерть была!

Ответ нерожденному ребенку

(Г. К. Честертон. «Устами нерожденного ребенка»⁴)

*Если низки — травы, а лес — высок,
Как в безумной книжке какой,
Если море сине взаправду там,
За моею хрупкой стеной,*

*Если круглый в небе висит огонь,
Чтоб меня обогреть извне,
Если волосы зелены на холмах —
То я знаю, что делать мне.*

*Я мечтаю, лежа во тьме, что там
Разноцветные есть глаза,
Грохот улиц и двери, с молчаньем их,
И телесные люди — за.*

*И пускай там бури, но лучше мне
Быть одним из отвергших тьму,
Чем хоть целую вечность повелевать
Государством тьмы одному.*

*Если только позволено будет мне
Хоть на день оказаться там,*

⁴Перевод И. Кутика.

*Я за милость эту, за эту честь
Баснословную — все отдам.*

*И, клянусь, не вырвется из меня
Ни гордыни, ни жалоб стон, —
Если только смогу отыскать я дверь,
Если буду-таки — рожден.*

Ядовиты — травы, и смутен лес:
Оплетет паутиной злой,
И под грязным небом услышишь ты
Волчьей стаи голодный вой...

А захочешь — солнце тебя спалит:
Что за дело солнцу до нас?
А захочешь — засохшей травинкой с холма
Можешь птичке выколоть глаз.

Ты увидишь в безрадостном свете дня
Наш жадный и подлый род.
Здесь все чудовищно жить хотят,
В основном — за чей-нибудь счет.

Здесь тебе не позволят быть одному,
Каждый, веря, надеясь, любя,
Немедля поставит вопрос ребром:
Ты — меня или я — тебя?

Ну а если на небе сыщется бог
И на землю спустится к нам,
То от горя и ужаса сердца его
Разорвется напополам.

И, клянусь, у нас не услышишь ты
Искренний смех или стон,
И ты станешь таким же, как весь этот мир,
Если будешь — увы! — рожден.

Abendstimmung⁵

(Т. Аргези. «Morgenstimmung»⁶)

*Вкралась песней в меня ты однажды, когда
Сердце наглухо запертым зимним окном
Распахнулось от ветра, и хлынул туда
Теплый голос твой вслед за ликующим днем,
Запустение смыл без следа.*

*В дом вошел этот голос, проникнув в любой уголок,
В каждом ящике, в каждом чулане звуча,
Заскрипели засовы, вот сорван последний крючок,
Вот последний замок отворен без ключа,
И стоит монастырь мой — открытый ветрам коробок.*

*Может быть, не случилось б такого, как знать,
Если б голос твой, клавиш касаясь в тиши,
Не попробовал вешних дроздов отыскать
И, тревожа заглохшие струны души,
Не заставил их вновь зазвучать...*

*И тогда с диким грохотом в замкнутый круг Бытия
Ворвалась благотворная буря, а с ней заодно
Небеса, и леса, и озера, где рыбы полно,
И увидел, растерянный, я,
Как былинкой подкошенной рушится крепость моя.*

*Отчего ты запела? Отчего я тебя услышал?
Неразрывно слились мы с тобой в вышине,
Как два облака белых над серыми гребнями скал.
Я пришел с высоты, ты с земли поднималась ко мне.
Ты из жизни пришла — я из мертвых тогда воскресал.*

⁵Вечернее настроение (нем.).

⁶Утреннее настроение (нем.). Перевод Эм. Александровой.

Он ушел не спеша, убивая меня
Той холодной и страшной порою ночной,
Когда, счастье свое, словно тайну, храня,
Обнимался весь мир за моею стеной,
Кто угодно, но только не я.

И когда я училась словам: «Никогда», —
И когда не могла полюбить — без любви,
И молчала, не в силах солгать, — и тогда
Не тепло уходило из спящей крови:
Это он уходил навсегда.

Кто же станет хранить мои слезы в тиши,
И своими руками беречь мой покой,
И шептать: «Как же мысли твои хороши!»?
Ведь так просто найти, чтоб попроще душой.
Или лучше — вообще без души.

И сомкнется стена между миром и мной,
И примусь я, чернея от злобы, судить
Все, что живо и просится жить, вздох любой,
Пока вдруг не почувствую в центре груди
Нестерпимую, сильную боль...

Что же мертвые губы, которые я убивала сама,
Не промолвят устало и тихо: «Любимый, прости!»?
Только: «Трус и лакей!» Только: «Шут без ума!»
А ему еще долго по пестрому, глупому миру идти...
Мне ж останутся вечная злоба и вечная тьма.

(В. Шекспир. Сонет 66⁷)

*Зову я смерть. Мне видеть нестерпим
Достоинство, что просит подаянье,
Над простотой глумящуюся ложь,
Ничтожество в роскошном одеянье,*

*И совершенству ложный приговор,
И девственность, поруганную грубо,
И неуместной почести позор,
И мощь в плену у немощи беззубой.*

*И прямоту, что глупостью слывет,
И глупость в маске мудреца, пророка,
И вдохновения зажатый рот,
И праведность на службе у порока.*

*Все мерзостно, что вижу я вокруг,
Но жаль тебя покинуть, милый друг.*

Блажен, кто в нашей жизни разглядел
Достоинство, хотя бы и в лохмотьях,
И красоту — в кривлянье грязных тел,
И роскошь — в пыльных одеяньях модных,

Любовь — в самовлюбленности тупой,
Иль радость — в пьяных возгласах победных,
Святых, пускай затравленных толпой...
Глупость и подлость правят миром бедным!

Подлость и глупость... Каждый хочет жить.
А суетливость не ведет к добру...
Казнить весь мир? Или себя казнить?
Когда же? О, когда же я умру?

И друга нет, ученика иль сына,
Которого мне было б жаль покинуть.

⁷Перевод С. Я. Маршака.

Ответ

(Г. Гейне. Северное море. Второй цикл. 7. Вопрос⁸)

Zu Grunde kommen ist zugrunde gehen.

Дойти до самой сути означает погибнуть.

*У моря, у ночного пустынного моря
Стоит юноша
С сердцем, полным тоски, с головой,
полной сомнений,
И угрюмо вопрошает волны.*

*«О, разрешите мне загадку жизни,
Старую трудную загадку,
Над которой уже многие ломали головы —
Головы в иероглифических колпаках,
Головы в тюрбанах и черных беретах,
Головы в париках и всякие другие
Бедные, обливающиеся потом людские головы.
Скажите, что такое человек?
Откуда он пришел? Куда он идет?
Кто там живет наверху, на золотых звездах?»*

*Волны бормочут, как всегда они бормотали,
Волнуется ветер, плывут облака,
Равнодушно сияют холодные звезды,
И дурак ждет, когда же ему ответят.*

На берегу неласкового моря,
Средь серых скал, стоит усталый странник,
Старик печальный с телом молодым,
И говорит безрадостно и твердо:

*«Я разрешил ее, загадку жизни!
Жестокую и древнюю загадку.
Я знаю, что такое человек,
Любой: в старинной бороде, и в шали,
В тюрбане пестром, и в прямом цилиндре,*

⁸Перевод П. Карпа.

И в легкомысленном наряде новом, —
И смысл его рождения, и смерти,
Куда идет он, и пришел откуда,
И почему так жизнь его важна...
Я знаю скрытые пружины мироздания!»

И волны бьются ó берег со злобой,
И стонет океан, и воет ветер,
И люди, суетясь, кричат ужасно,
Чтоб не услышать речи мудреца.

Памятник

(Квинт Гораций Флакк, «К Мельпомене»⁹)

*Я знак бессмертия себе воздвигнул
Превыше пирамид и крепче меди,
Что бурный Аквилон сотреть не может,
Ни множество веков, ни едка древность.
Не вовсе я умру; но смерть оставит
Велику часть мою, как жизнь скончаю.
Я буду возрастать повсюду славой,
Пока великий Рим владеет светом.
Где быстрыми шумит струями Авфид,
Где Давнус царствовал в простом народе,
Отечество мое молчать не будет,
Что мне беззнатной род препятством не был,
Чтоб вносить в Италию стихи эольски
И первому звенеть Алцейской лирой.
Взгордися праведной заслугой, муза,
И увенчай главу дельфийским лавром.*

Я строю памятник. Мой труд лишен надежды,
Но полон он веселым, пьяным бредом,
Величием, бессмысленным и горьким.
Сей страшный монумент, сегодня хрупкий,
Подвластный чьим-то сумасбродствам злобным,

⁹Перевод М. В. Ломоносова.

Однажды поразит умы людские,
И воцарится в их сердцах надолго,
Тревожа их и муча, ведь бояться
И ненавидят все, что непонятно,
Что нарушает жизни бег привычный.
Но будут и наследники иные,
Кто с гибелью моей не примирится,
Они мне будут благодарны вечно,
За то что в обществе дельцов,
 где правят деньги,
Где жаждут сытости одни, другие — власти,
Не помешал мне голод размышленьям,
Ленивым и ужасным, предаваться
И, чуя смерть, загадывать загадки,
Тем, кто появится на свет однажды,
Героям книг моих их адресуя,
И глгать: «*In manus vestras, viatores*
In tempore, do animam meam».

(А. С. Пушкин. «Не дай мне Бог сойти с ума»)

Не дай мне Бог сойти с ума.
Нет, легче посох и сума;
Нет, легче труд и глад.
Не то, чтоб разумом моим
Я дорожил; не то, чтоб с ним
Расстаться был не рад:

Когда б оставили меня
На воле, как бы резво я
Пустился в темный лес!
Я пел бы в пламенном бреду,
Я забывался бы в чаду
Нестройных, чудных грез.

И я б заслушивался волн,
И я глядел бы, счастья полн,
В пустые небеса;

*И силен, волен был бы я,
Как вихорь, роющий поля,
Ломающий леса.*

*Да вот беда: сойди с ума,
И страшен будешь как чума,
Как раз тебя запрут,
Посадят на цепь дурака
И сквозь решетку как зверка
Дразнить тебя придут.
А ночью слышать буду я
Не голос яркий соловья,
Не шум глухой дубров —
А крик товарищей моих,
Да брань зрителей ночных,
Да визг, да звон оков.*

Дай, Боже, мне сойти с ума!
Пусть это значит: смерть и тьма,
Страдание и ад.
Неправда, что не страшно свой
Увидеть в зеркале, чужой,
Внутри обращенный взгляд.

В душе и памяти моей
Не уцелеет мелочей:
Сплошная кровь и соль,
И тщетно буду я искать
Хоть мысль, хоть звук, чтоб мог звучать,
Не причиняя боль.

Во мне живущий черный зверь
Начнет стучать в висках; теперь,
Ликуя и ревя,
Он хлынет в кровь мою, в потир,
И унесет в тот странный мир,
Где я — уже не я.

Не видя ничего вокруг,
Всему на свете враг и друг,
Немой, нагой, ничей,
Он будет выть, стонать и петь,
Чтоб на досуге разглядеть
Изнанку всех вещей.

И будет вид ужасен мой,
И трупный запах от живой,
Как сладкий смрад, пойдет,
Начнут меня травить и гнать,
Но я уже не буду знать,
Где плоть моя уснет.

И лучше так, чем, суетсяь,
Среди ненужных дел крутяться
И бесполезных слов,
Устав плодиться и стареть,
Благопристойно умереть
В раю для дураков.

ЛЮБОВНЫЙ ДИПТИХ (2002–2007)

1

*Wir müssen beide elend sein*¹⁰.

H. Heine

Как страшно знать, что любишь подлеца,
Способного ограбить и предать,
Лакея, проходимца и лстеца.
Придется мне такой же подлой стать.

И вместе мы отыщем двери в ад.
Пусть нежен взгляд — черна душа твоя.
Мой долг — не покидать тебя, мой брат.
Ты подл и жаден. В точности как я.

Меня возненавидят все невольны.
Мне будут лгать. Я буду это знать.
Как больно — будь ты проклят! — как мне больно...
Придется мне такой же подлой стать.

2

Как горько знать, что любишь дурака,
Играть ему неведомую роль.
Инстинктами мужлана и зверька
Он не поймет ни плоть мою, ни боль.

Как просто обмануть его чутье,
Солгать, меняя ряд жеманных поз.
Но, слушая молчание мое,
Он не узнает соль незримых слез.

И если я погибну в тишине,
Он не поймет, кто был тому виной.
И никогда не вспомнит обо мне,
И будет спать в объятиях другой.

¹⁰Мы оба должны быть несчастны (нем.). Вариант: мы оба должны вызывать презрение.

Аспирантские баллады (Подражание Кипплингу, 2000–2012)

*Моему научному руководителю,
неустанно вдохновлявшему меня на сей горестный труд,
посвящается¹¹*

Приглашение («Hyænas»)

*«Идеал, стоящий перед человечеством,
не совпадает с идеалом кроликов или
свиней и состоит не в том, чтобы рас-
плодиться как можно больше».*

Л. Н. Толстой

Когда догорели еретики
И святые отцы ушли,
Светила науки, ее царьки,
Замаячили где-то вдали.

Как можно сгореть ради любви,
Истины или идей,
Не знают они и знать не хотят:
Они из иных людей.

Им надо кормить детей и жен,
Им надо кормить себя:

¹¹ Эти баллады можно рассматривать как своеобразное поэтическое послесловие к похождениям бравой аспирантки, то есть Варюхи. Хотя и задуманы, и написаны они были совсем по другому поводу и гораздо раньше. Первоначально я предполагала, что читатель увидит в них стихи, сочиненные бравой аспиранткой в те редкие часы, когда она делала перерывы в работе над своей диссертацией. Но вряд ли Варюха умела сочинять стихи. Поэтому будем считать, что баллады написал обиженный Павлик, когда у него в армии выдавалось свободное время.

За то, что когда-то был влюблен,
Ты платишь, уже не любя.

(Все равно, чтоб урвать пожирней кусок,
Надо душу иль руки марать.
А перевирать слова мертвецов
Способен любой дурак.)

И тогда у них будет много машин,
Одежд и блестящих камней.
(Существам, у которых нет души,
Нужно много разных вещей.)

А в чьих-то глазах на портретах — скорбь,
Их взгляд всепрощающ и строг.
Но кто их заметит — под потолком?
Лишь несуществующий Бог.

А внизу — веселье: монеты звенят,
Банкноты шуршат, шум и гам,
Науку двигают... все подряд!
Присоединяйся к нам!

Творчество

(«Birds of Prey March»)

*«Я занимаюсь этой научной темой
только потому, что мне платят за нее
деньги. Если перестанут платить,
я тут же ее брошу».*

(Автореферат честного человека)

*«Я думаю, что этих денег для Вас бу-
дет слишком много, и половину надо
отдать мне».*

(Из разговора научного
руководителя с аспирантом)

Тяжко. Как всегда, с похмелья жутко голова болит.
Жарко. Где же пиво, аспирин иль валидол?
Трудно. Для моей карьеры очень нужно сделать вид,
Будто я чего-то там открыл иль изобрел.

Боже! Денег, дай мне денег,
Много денег, поскорей!
Заведу семью, одену,
Накуплю себе вещей!
Веселей!
У жены и у детей
Будут серьги золотые изо всех торчать ушей!

Глупо я пошел на математику студентом,
Надо было бы туда, где практики полно.
Счас провел бы двести пятьдесят экспериментов:
Удались, не удались — не важно, все одно.

Ну да ладно, здесь чего-то тоже можно сляпать,
Лишь бы мой руководитель, блин, не подкачал.
Надо с этой книжки пару формулок обтяпать
Да приткнуть хоть самый завалящий интеграл.

Ух ты! Интеграл по мере. (Кстати, что такое мера?)
Ну да черт с ним, в этой книжке он, должно быть, взят.

Заменяем девяносто третий индекс на сто первый —
И получен очень важный, свежий результат.

Боже! Денег, дай мне денег,
Много денег, поскорей!
Заведу семью, одену,
Накуплю себе вещей!

Веселей!

Я куплю себе хороших,
Верных, преданных друзей!

Эй, налей!

Я куплю себе отважных,
Любящих меня людей!

Не жалея!

У жены и у детей
Будут серьги золотые изо всех торчать ушей!

Эй, налей!

У любой жены моей
Будут серьги золотые
изо всех торчать ушей!

Будут серьги золотые
изо всех торчать ушей!

Будут серьги золотые
изо всех торчать ушей!

Свет

(«Boots»)

Приговоренным к компьютеру посвящается

«Учение — это свет».

(Народная мудрость)

Белый-почерк-синий-фон — это диссертация.
Тонкий-тонкий-тонкий-визг — это диссертация.
Свет-свет-свет-свет — в воспаленные глаза.
Ученому думать нельзя.

Ми-нус-два-да-пол-то-ра — минус пять диоптрий
враз.
Шесть-и-во-семь-семь-и-шесть — минус десять
через год.
Свет-свет-свет-свет — в воспаленные глаза.
Ученому думать нельзя.

Нет-не-смо-три — на мерцающий экран.
(Свет-свет-свет-свет — в воспаленные глаза.)
Бей-бей-бей-бей — бей по клавишам сильнее,
Ученому думать нельзя.

За-ставь-свой-мозг — мечтать о чем-нибудь другом.
(Дай-мне-Бо-же — поскорей сойти с ума!)
Свет-свет-свет-свет — в воспаленные глаза.
Ученому думать нельзя.

Не-за-будь-что — где-то есть иная жизнь,
А-не-то-во — веки будет литься свет,
Свет-свет-свет-свет — в воспаленные глаза.
Ученому думать нельзя.

Жить-жить-жить-жить — можно, видя кровь и смерть,
Но-но-но-но — но не этот жуткий свет,
Свет-свет-свет-свет — в воспаленные глаза.
Ученому думать нельзя.

Ес-ли б-знать-как — различить дрожащий текст,
Но-сквозь-гной-и — слезы виден только свет,

Свет-свет-свет-свет — в воспаленные глаза.
Ученому думать нельзя.

Зна-ет-тот-кто — диссертацию писал,
Э-то-не-и — деи, мысли и слова,
Но свет-свет-свет-свет — в воспаленные глаза.
Ученому думать нельзя.

Апробация¹²

(«When Homer smote his blooming Lyre...»)

*«У него не хватает ума даже на то,
чтобы понять, что у человека вообще
есть ум».*

Г. К. Честертон

И как только докладчик завел свой рассказ,
Улыбнулся профессор с густой бородой
И, уткнувшись в газету, вздыхал всякий раз,
Когда громко храпел академик седой.

Каждый видел, что это — сплошной плагиат,
Каждый слушал с усмешкой свои же идеи,
И летел в пустоту барабанный доклад,
Чтоб ученых мужей отпустить поскорее.

Каждый знал, где и сколько докладчик украл,
И докладчик все знал, но не сбился ни разу.
Только где-то в углу академик ворчал:
«У меня были лучше построены фразы!»

¹² Когда диссертация в основном уже написана, аспирант докладывает о своих результатах разным, иногда очень высоким собраниям ученых. Это называется апробацией.

Защита
(«Danny Deever»)

*«Один лишь раб
Так может быть и подл, и слаб».*
К. Ф. Рылеев

«Зачем мы все сюда пришли?» — спросили на Совете¹³.
«Проголосуем и уйдем», — им секретарь¹⁴ ответил.
«Проголосуем «за» иль как?» — спросили на Совете.
«Конечно, «за», конечно, «за», — им секретарь ответил.

Ведь сегодня защищается известный аспирант,
Он так часто обнаруживал недюжинный талант,
У него руководитель — просто монстр или гигант!
Неужели мы проголосуем «против»?

«Он лекции за нас читал», — вздохнули на Совете.
«Да и зачеты проставлял», — им секретарь заметил.
«Умел бумаги составлять», — вздохнули на Совете.
«Кто ж будет их теперь писать?» — им секретарь заметил.

Да, сегодня защищается известный аспирант,
Только пусть он ради нас слегка урежет свой доклад,
Ведь смешно, ей-богу, слушать каждый раз и все подряд.
А не то возьмем, да и проголосуем «против»!

«Он мне с ремонтом помогал», — промолвил член Совета.
«Обои клеил, плитку клал», — тут секретарь заметил.
«Он в фирме числился моей», — промолвил член Совета.
«Не в ней одной, не только в ней», — тут секретарь заметил.

Что ж, сегодня защищается известный аспирант,
Он нас так просил прийти, чтоб кворум все-таки собрать,

¹³Ученый Совет состоит из людей, уже обладающих ученой степенью. Они решают, достоин претендент присвоения ученой степени или нет. Это называется защитой.

¹⁴Секретарь Ученого Совета занимается подготовкой документов и решением других организационных вопросов. Обычно лучше остальных ориентируется в происходящем.

Обещал, что все расходы возместить он будет рад.
Ну неужели мы проголосуем «против»?

«Конечно, тема¹⁵ не нова», — шептались на Совете.
«Да и проста как дважды два», — им секретарь ответил.
«Бессмысленный, ненужный труд», — шептались на Совете.
«Как все, что происходит тут», — им секретарь ответил.

Но ведь сегодня защищается известный аспирант,
У него руководитель — просто монстр или гигант,
Стол давно накрыт банкетный, и бутылки в ряд стоят.
Так неужели мы проголосуем «против»?

Послесловие

(«If»)

*«Человек существует не для того,
чтобы жить, а для того, чтобы пла-
вать по морям».*

(Древняя мудрость)

Если в юные годы, сквозь розовый дым,
Звонким голосом детским ты вдруг произнес
То, что остро почувствовал сердцем своим:
«Я рожден, чтоб ответить на некий вопрос,

Мне не нужно почета, не нужно наград,
Мне никто не поможет; я должен понять,
И нельзя отказаться, вернуться назад,
Как нельзя не любить, как нельзя не дышать»;

Если позже, взрослея, ты с болью поймешь,
Что за каждое знание надо платить,
Зачеркнуть, как бы бросив на жертвенный нож,
Дом, семью и здоровье, умение дружить;

¹⁵Тема диссертации. Считается, что она должна быть новой и актуальной, то есть необходимой для кого-то.

Если ты ощутишь, что сквозь мрак и мороз,
Как судьба, что приходит однажды в ночи,
В твое сердце всерьез, в твое сердце всерьез
Ледяная, жестокая тайна стучит;

Если, всю свою смелость собрав наперед,
Ты откроешь ей дверь, ты позволишь войти,
И она в неизвестность тебя поведет,
Лишь бы сил доставало идти и идти;

Если как-то, себя не узнав, ты поймешь:
В тебе новая сила и новая власть,
И, тоскуя по прежней душе, ты начнешь
Проклинать этот дар, но не сможешь проклясть;

Если, видя, что мысли твои не нужны,
Ведь без них так приятно и радостно жить,
Если, слыша, как голос любимый сквозь сны
Умоляет отречься и все позабыть,

Ты спокойно примеришь терновый венок
И от правды своей не отступишь ни в чем, —
Это значит, ты думать способен, сынок.
Это значит, что ты обречен.

Маскарад неидеальных людей (2013–2014)

Пейзаж

Мы верим зря, мечтаем мало:
Какие могут быть мечты
В эпоху смутных идеалов
И растяженья красоты?

И растяжения свободы...
Но растяжение есть абсурд,
Когда моральные уроды
Чушь агрессивную несут,

Когда ничтожные создания,
Как хоругвь, поднимают вновь
В своем последнем оправданье
Свою убогую любовь,

Когда в слезах встают другие,
Кто слишком добр иль слишком глуп,
Вцепившись в истины былые,
Лишь подрумянивают труп,

Не верят в смерть, в конечность наций,
В конечность знаний, вер и сил,
И крах былых цивилизаций
Их ничему не научил.

Такая доля нам досталась:
Жить в смутный предрассветный час
И знать (что, в общем-то, не малость):
Заря взойдет. Но не для нас.

I. ИДЕАЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК

*... И вождь в ответ: «То горестный удел
Тех жалких душ, что прожили, не зная
Ни славы, ни позора смертных дел.*

*... Их память на земле невоскресима;
От них и суд, и милость отошли.
Они не стоят слов: взгляни — и мимо!»*

Данте Алигьери
«Божественная комедия»¹⁶

*На-дуть вырастить дитёв
Не хуже, чем у людёв,
Да пристроить их к корыту¹⁷,
Лучше бы — без лишних слов.*

*А у тех дитёв — свои,
Ишь, трещат, как воробы...
Так и будем размножаться,
Думая, что по любви.*

Народная песня
на новый лад

Рожден без боли, без печали
Довольный жизнью молодец;
Ни разу мать не накричала,
И уши не надрал отец,

Аплодисментами встречая
Любую из его затей:
Ура! Ребенок проявляет
Свободу личности своей.

Растет свободолоуб в штанишках,
«Хочу!» и «Дай!» — его конек;
Он в Бога верит, но не слишком;
Пытливость — не его порок.

¹⁶Перевод с ит. М. Лозинского.

¹⁷Имеется в виду не то корыто, в котором стирают белье, а то, из которого кормят свиней.

Его в учении заботит
Понятный, четкий результат:
Найти хорошую работу,
Где много платят просто так,

Где он, как винтик, будет встроен
В один гигантский механизм:
Купить – продать – занять – пристроить,
Ведь потребление — это жизнь.

Он с неба звезд хватать не станет
И порох не изобретет;
Семью — если карман потянет —
Ну и детишек заведет.

А если струны сердца дрогнут
И слезы мимо побегут,
Ему врачи тотчас помогут
И от безумия спасут.

Он сможет слышать или видеть
Лишь то, что велено узнать;
Укажут — будет ненавидеть,
Прикажут — станет горевать,

В знак сострадания культурно
Побреет голову порой
Иль мусор донесет до урны
И думает, что он — герой.

Стремясь, как многие герои,
И не болеть, и не стареть,
Поймет он: все дороже стоит
Деньгами время одолеть.

Но все же в этой схватке вечной
Однажды верх возьмут года,
И он умрет: легко, беспечно,
Не зная ни боли, ни стыда.

Ужель он сгинет безвозвратно?
Ведь в мире радостей не счесть!
Ему бы было так приятно
То сладко спать, то вкусно есть.

II. МАСКАРАД НЕИДЕАЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Вальс-фантазия

*Своими неосторожными поступками
мы сами роем себе могилу.*

Народная мудрость

*Если могила вырыта,
надо ложиться в нее.*

Еще одна народная мудрость

Безумец могилу роет,
Пьянея от боли в сердце,
С улыбкой шальной и детской,
Небрежно песок рыхля;

Безумец роет могилу.
Мечтавшая жадно и глухо
Стать для кого-то пухом,
Нарочно мягка земля.

Могилу безумец роет,
И воет надрывно ветер,
А день нынче желт и светел,
И время уходит вон.

Могилу роет безумец,
И нет никого на свете.
Навечно один со смертью,
Любуется ветром он.

Роет безумец могилу
И слепнет, больной до дрожи:

Так тяжела эта ноша
Для узеньких, хрупких плеч.

Роем могилу безумец,
И слава его огромна:
Ведь скоро, счастливый и сонный,
Он сможет в могилу лечь.

Правила маскарада

Когда в горячечной постели
Закончат спор добро и зло,
Пойду обещанным тоннелем
В страну, где тихо и тепло.

Пейзаж немного неумелый:
Одновременны тьма и свет.
А что мое земное тело?
Как будто здесь, как будто нет.

Меня тут ждут, в меня тут верят
Те, кто земной отжили срок.
Их боль — в одном: они не звери,
И каждый страшно одинок,

И каждый принят в нашем круге
Не просто так — в нас нету лжи, —
Не по уму, не по заслугам,
Скорей — по сложности души.

Свой путь окину взглядом сверху,
Все возрасты, все времена.
Моя душа прошла проверку.
Она достаточно сложна.

И, смахивая пот с опаской
С осточертевшего чела,
Я вдруг пойму, что это — маска,
В которой я всю жизнь жила.

Сорвать ее? Смешно и дико.
И улыбнется кто-нибудь:
«Пока оставь! Ведь мы безлики,
А маски отражают суть».

Сколь сладкой будет наша встреча!
Рассказ о жизнях прожитых...
Быть может, миг, быть может, вечность
Я — дома, я — среди своих.

Сияет свет в глазах любимых,
И голоса сердец в ту ночь
Сольются в хор неутомимый;
Мы маски побросаем прочь

И вместе полетим по кругу;
Когда же разорвется строй,
Мы обменяемся друг с другом:
Манерой, масками, судьбой, —

Чтоб вновь сыграть в гигантской пьесе,
Собрав народы и века,
И убежать сюда, всем вместе,
И — снова в круг, к руке рука.

А вы, кто взглянет без опаски
На наш веселый хоровод,
Прошу, примерьте эти маски:
Кому какая подойдет.

Вопрошающий

Кто я такой? Я не надеюсь
Войти в историю. Представь:
На свет является младенец
С недоумением в глазах.

Он на себя как будто злится:
«Зачем я должен вдруг вдохнуть?

И к этой женщине стремиться?
И брать губами эту грудь,

Глотая капли липкой дряни?
Зачем мне этот тяжкий труд?»
Потом учителя и няни
Его тупицей назовут.

Простые вещи, в самом деле,
Неясны бедному уму.
— Ведь жизнь прекрасна!
— Неужели?
— Ведь жизнь бесценна!
— Почему?

Его мальчишки поношением
И свистом станут провожать:
Ему и дружба, и ученье —
Лишь средство время скоротать.

И игры юности мятежной
Ему необъяснимы вновь.
Да, он услышит голос нежный:
— Люблю!
— А что это: любовь?

Зачем в дурацкой неге томной
Мне чьи-то плечи обнимать?
А вдруг появятся потомки,
Которым все изволь отдать?

— Учись, трудись! Ты должен в люди
Пробиться!
— А сейчас я кто?
— Мы мстить обидчикам не будем,
У них ведь дети!
— Ну и что?

Так и пойдет, пока однажды,
Средь белизны больничных стен,

Врач умирающему скажет:

— Живи! Ты должен жить!

— Зачем?

Почтим же память сумасброда,
Кто в суматохе глупых дней,
Не в силах одолеть природы,
Хотя бы усомнился в ней!

Гуманист

С младенчества пытались мне внушить:
Убийство — самый страшный из грехов,
Нет дара драгоценнее, чем жизнь.
И я поверил в правду этих слов.

Я милостыню нищим подавал,
Я всем убогим стал вернейший друг,
Я на зверей руки не поднимал.
Но я их ел! Как многие вокруг.

Где наше благородство? Наша честь?
Мы мучаем зверей — ведь мы их выше,
А после убиваем, чтобы съесть.
Они кричат — мы этого не слышим.

Однако и растениям не легче;
Мы — злобные над ними короли:
Кромсаем ветви их, стволы калечим
И корни выдираем из земли.

Как просто и как быстро мы решаем:
Этому — жить, а этого — убить,
Не знаем страха, жалость отвергаем.
Зачем? Чтоб брюхо посытней набить!

Раздавленный стыдом и сожаленьем,
Я, как монах, питаться был готов
Плодами изувеченных растений
И молоком истерзанных коров.

Но этим не исправить злого рода!
Лишь заболев, пытаюсь боль стерпеть,
Я понял, как устроена природа:
Цена любой из жизней — чья-то смерть.

Приняв лекарство, я себя спасаю,
Убив безглазых, глухих и немых,
Всех тех, кто кровь и плоть мою сжирает.
Но разве я хоть чем-то лучше их?

Какой жестокий принцип у природы!
Кругом — обман, убийство и разбой.
А тем, кто выше, тем, кто благородней,
Всего гуманней — жертвовать собой.

Я запретил врачам себя лечить.
Но, умирая, я не забывал
У воздуха прощения просить
За то, что я им все-таки дышал.

Добродетельные (Incorruptibles¹⁸)

Опыт парного портрета

Версия 1, античная

*Республики больше нет.
Наступило царство разбойников.
Неподкупный*

Мне не хотелось красть или лукавить,
Я занимал себя другой работой:
Придумать список произвольных правил
И жить, не отступая ни на йоту.

¹⁸Прозвище "Incorruptible" на русский язык обычно переводят как «Неподкупный», хотя подобные души способны противостоять не только материальным соблазнам. Я предпочитаю говорить о добродетели, так как более точный перевод: «неразвращаемый» — по-русски звучит ужасно, а «не поддающийся порче» — слишком длинно.

Я взял за образец любовь к Отчизне;
Быть патриотом, в общем-то, несложно:
Я поступал во все мгновенья жизни
Не так, как хочется, а так, как должно.

Старательно я делал свою душу
Прямолинейной, резкой, неуместной.
Бесхитростный, не видящий ловушек,
Возможно, я был глуп. Но я был честен.

Меня любила чернь. Не зная наживы,
В эпоху войн, брожений и шатаний
Я объяснял им тайные мотивы
Своих поступков и чужих деяний.

Меня любили, мне рукоплескали
И плакали, когда я говорил,
Но не меня вождем себе избрали,
А тех, других, кто деньги им платил.

И вот Отчизна сделалась иною,
Я не сумел мой прежний мир сберечь,
Я проиграл — и твердою рукою
Воткнул себе в живот короткий меч.

Я человеком был, а стал легендой,
И строгий, и чудовищно простой:
Быть мертвым лучше, нежели быть пленным;
Из всех путей кратчайший путь — прямой.

Во время смут я властвовал сердцами,
Как миф, как идеальный гражданин,
И юноши с горящими глазами
Клялись Отчизне именем моим.

Версия 2, сентиментальная

Человек выходит из рук природы добрым. Следовательно, если человек порочен, то виноваты в этом общественные институты.

Неподкупный

Им мало того, что неудобный или бдителный человек, отчаявшись в своей пользе, удалился; одно его существование является для них предметом страха, и они задумали во тьме отнять у него вместе с жизнью право защищать народ.

Он же два года спустя¹⁹

Я с детства знал, что каждый человек
И добр, и честен по своей природе.
Я был таким. Я жил в тот странный век,
Когда добро и честность были в моде.

Мы все мечтали повести народ
Из царства Зла к **Свободе** величавой.
Я говорил, мне верили — и вот,
Как на руках, несли к вершинам славы.

Я принял власть, которой не желал,
Но ведь во мне ничто не поменялось!
Да, то, о чем я издавна мечтал,
Теперь довольно часто исполнялось.

Я строил Царство Правды, мудрых Слов,
Но не учел две истины простые:
Я, не имея собственных грехов,
Не мог понять, не мог простить чужие.

К тому же я был слеп. Сквозь тень ресниц
Я видел мир расплывчатым и странным

¹⁹Пер. Ф. Шуваевой

И на размытых пятнах вместо лиц
Легко воображал черты желанны.

С кем я делил свои посты в верхах?
С кем вместе грезил о народном счастье?
Разбогатели на чужих слезах
И упивались бесконтрольной властью.

Но человек ведь от природы честен!
Как объяснить товарищей моих?
Неужто **Враг**, чужой и неизвестный,
Душевной порчей заражает их?

Я был не в силах никого убить,
Я не желал об этом даже слушать,
Но мне пришлось предателей казнить,
Чтобы спасти все остальные души.

А порча пожирала благородных
Друзей моих побед и неудач:
Вчера — защитник чаяний народных,
Сегодня — вор, развратник и палач.

И вновь: отсечь порок! Спасти живое!
Искать Врага, что козни вновь плетет!
Как вдруг я услышал шипенье злое:
«Дрожи, тиран! Возмездие грядет!»

Тиран? Я будто сделал шаг к могиле.
Я вдруг прозрел, я многое узнал:
Их, зараженных, больше! Я — бессилён.
Конечно, я и плакал, и кричал.

И все же я мешал. Они боялись
Открыто красть и **напоказ** блудить.
Я думаю, они меня — стеснялись.
Стеснялись так, что предпочли убить.

Мне мог легко и просто отомстить
От их щедрот подкупленный злодей,

Но нет. Меня решили осудить
Средь бела дня, средь множества людей.

Но человек ведь честен от природы!
И там, где разразился мерзкий суд,
Я звал на помощь добрых патриотов.
Я верил, что они меня спасут.

Когда меня травили, будто пса,
Свидетели паденья моего,
Я заглянул им — каждому! — в глаза.
Они порочны! Все до одного!

И я погиб. Затем мои враги,
Страшась суда иного, глядя в Вечность,
Взвалили на меня свои грехи.
Я думаю, их ноша стала легче.

Увы! Мне так не шли бесчинства их!
Я отторгал их грязную любовь,
И блеск монет, и попранных святых...
Зато прилипла пролитая кровь.

И воссияла вновь моя звезда
Уже другой, неугасимой славой.
Я в Вечности останусь навсегда
С клеймом: «безумный шут, маньяк кровавый».

Лжец

Мне было скучно жить как можно дольше
В эпохе мимолетной и пустой;
Я много спал, а грезил — еще больше;
В своем уме я мир создал иной.

Там, у меня, была любовь, и правда,
И скорбной чести сладостная ноша,
И высший смысл... Я не хотел обратно.
Но вдруг мой мир других спасти поможет?

Спасти ничтожных, глупых и безвольных,
Нарисовав иное бытие?
Я стал искать, кому на свете больно,
И говорить про царствие мое.

И вот тогда, наверное, случайно,
Я намекнул ученикам своим,
Что я — особый, что я знаю тайну
И мир моих фантазий — достигим.

Да, я солгал. Но ради их спасенья!
Не крал их денег, жен не домогался.
И если б я заметил тень сомненья
На чьих-то лицах — я бы им признался.

Но им и не хотелось сомневаться!
Я в них надежду новую вдохнул.
Конечно же, я не посмел сознаться:
«Простите, люди! Я вас обманул!»

А разве все великие пророки
Не лгали, когда плакали и пели
Те якобы божественные строки,
Чтоб направлять людей к священной цели?

Нет, в лабиринтах жизни затеряться
Невыносимо тем, кого я знал:
Их дух ослаб. Они всего боятся.
Пусть лучше верят в то, что я сказал.

И я увидел череду столетий,
Других эпох загадочную краску,
Где поколения тех, кто чист и светел,
Стремятся в мной придуманную сказку.

Увы! Они меня обожествляют!
Поверят сами и детей научат,
И им никто, никто не объясняет,
Что я солгал. Мне просто было скучно.

Любознательный

Я рос ребенком страшно любопытным,
Во мне желанье зрело год от года:
В далеких высях и в глубинах скрытных
Разведать, как устроена природа.

Задача тяжести неимоверной:
Мир так огромен! А меня так мало!
Но я есть отражение Вселенной!
Так, может быть, познать себя сначала?

Сначала вспомнить. И в тетради длинной
Я годы своей жизни сосчитал.
Воспоминанья хлынули лавиной:
Я день и ночь писал и вспоминал.

Шатался и дробился мир мой хрупкий,
Я вспомнил каждый взгляд и каждый стон;
Я вспомнил все постыдные поступки;
Когда я жалок был; когда смешон;

И мимолетных мыслей омерзенье —
Все взвесил, все измерил. Как же быть?
И мужества хватило, и терпенья.
Но вспомнить мало. Надо объяснить.

Я должен душу привести в систему,
На каждый вздох изобрести закон.
Так геометр выводит теоремы
Из маленького списка аксиом.

Я это сделал. Как же я был счастлив
Тем вечером, по-моему, весной:
Моя душа, разъятая на части,
Понятная, предстала предо мной!

Я не был ни плохим и ни хорошим.
Поняв, я смог во всем себя простить;
Я каждый шаг свой, будущий и прошлый,
Умел без затрудненья объяснить.

Познав себя, я сам себя разрушил,
И даже не скажу, что было жаль.
В моей душе, как в сломанной игрушке,
Испортилась какая-то деталь.

Я мог быть гордым, важным и печальным —
И потешаться в самой глубине.
И страх, и стыд возможны там, где тайна,
Но тайны больше не было во мне.

Я перестал страдать и сомневаться,
Я разучился верить и любить.
Я стал никем. Мне было восемнадцать.
Мне предстояло очень долго жить.

Новый пророк

(А. С. Пушкину посвящается)

Я видел: гибнет род людской,
Я Бога звал, я верил в благо.
Но Бог молчал, объят тоской.
И я тогда решил заплакать.

Я в плаче был неутомим,
Я в душной комнате шатался,
Но подгулявший серафим
На этот плач не откликнулся.

Он не придет! Я сразу сник,
И, сам себе палач невольный,
Я вырвал бедный свой язык
И сжег его. Мне было больно.

Почуяв холод впереди,
Сосредоточен и серьезен,
Я вынул сердце из груди.
Оно застыло на морозе.

Я сам другой язык создал,
Отверз себе глаза и уши.

Конечно, я чему-то внял,
Но как же скучно было слушать!

Конечно, к людям я потек,
Я нес им огонь витиеватый
И нежный каменный цветок,
Что моим сердцем был когда-то.

Но этот дар и этот свет
Им были злы и неприятны:
Я изменился, люди — нет,
И мы друг другу непонятны.

Я встал у бездны на краю.
Что толку жить? Так неуместно
Я изувечил плоть свою.
Но это было интересно!

Я жил, творил, я видел свет,
Я ждал и мучился, волнуясь...
Неважно, понят я или нет,
Или куда сейчас шагну я.

III. СОЛДАТЫ АРЬЕРГАРДА

Генерал, прошедший сквозь ад,
И штабной Декарт
Самых мужественных солдат
Берут в арьергард.

Тяжело последним принять
Безнадежный бой.
И не скажешь: «Спасите меня!
Заберите с собой!»

Так и я: с седой головой,
На оси времен,
Как осколок эпохи былой,
Уходящей вон.

Все, кто жил, кто был дорог мне,
Покинули сцену.
На меня в наползающей тьме
Бредут манекены.

Ни герои им не нужны,
Ни истины свет:
Все вопросы давно решены,
Исчерпан сюжет.

Ни любви, ни жертв, ни святых:
Страдать не хотят.
И того, кто сложнее их,
Они не простят.

Где ж ты, звезды звавшее в бой,
Племя мое?
Заберите меня с собой!
В небытие!

Стихи разных лет

Перебирая свои стихотворения, не вошедшие ни в один из уже изданных сборников, я с сожалением поняла, что публиковать практически нечего. Большая часть стихов не обладает необходимым качеством и нуждается в доработке. Другие по настроению никак не сочетаются с тандемом «безумец–философ» и будут смотреться неуместно. Наконец, есть произведения глубоко личные, обнародовать которые было бы с моей стороны крайне непорядочно по отношению к их прототипам. Тем не менее мне удалось найти две вещи, заслуживающие того, чтобы увидеть свет. Первое стихотворение посвящено моему преждевременно скончавшемуся отцу. Второе могло бы послужить сильно запоздавшим предисловием к моей давнишней пьесе «Иисус по прозвищу мессия».

*Моему отцу, Шуликовскому
Валентину Ивановичу, солдату
Великой Отечественной войны,
посвящается.*

Снится мне иногда, на рассвет,
Будто мне девятнадцать лет,
Будто я бреду вдалеке:
Ноги стерты, винтовка в руке.

Я иду, и взрывы гремят,
Я стреляю, стреляют в меня.
Есть приказ, он на всех один,
А зовут меня — Валентин.

Моя Родина, долг и честь —
Я не помню их. Но они есть.
Я не помню, что значит — жить.
Я устал. Мне хочется пить.

Мне так хочется в эту грязь
Поскорей вниз лицом упасть
И остаться в ней навсегда,
Чтоб уже не идти никуда!

Пусть закончится этот поход...
Но я делаю шаг вперед,
И еще один, как могу.
Я не сдамся. Я не сбегу...

...И, проснувшись в уютном тепле,
Я молю об одном на земле:
Пусть почаще в тревожном сне
Этот мальчик приходит ко мне.

Он — отец незнакомый мой,
Он вернулся с войны живой,
Он прожил свою жизнь как хотел.
Лишь меня обнять не успел.

И теперь каждый прожитый год
Все уводит меня вперед,
Вдаль от той волшебной страны,
Где отец мой — вернулся с войны.

Я не знаю тепла твоих рук
И родного голоса звук.
Но как часто, зеркало взяв,
Я смотрю на твои глаза.

2010.

Имя

*Ducunt volentem fata, nolentem trahunt*²⁰.

(Того, кто хочет, судьба ведет,
того, кто не хочет, — тащит.)

Твердят и твердят наизусть
Забывтое имя: Иисус.
Кто ж знал, что новая вера
Возникнет из плотника уст?

А тех оборванцев строй,
Что встал за его спиной,
Притягивает людей
Всей силой надежды своей.

Но что нам известно про них?
Ведь нет ни портретов, ни книг,
Написанных лично ими.
Осталось одно лишь имя.

А вдруг он, несчастный, больной,
Безумно хотел домой?
И ждал посреди чудес:
Когда, наконец-то, — крест?

А может быть, он до конца
Не знал, кто такой он сам,
И, вглядываясь в темноту,
Не верил в свою правоту?

В себе божественных сил
Искал — и не находил.
Но знал, что ему дано
Умение хотя бы одно:

Не струсить и не упасть,
Когда непонятная власть
Влечет, отрывая от всех,
Из жизни — куда-то вверх.

2009–2011.

²⁰ Авторство приписывается Клеанфу, латинская версия принадлежит Сенеке.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие автора	3
Краткий курс общей физики (отрывки) (2004–2009)	8
Из цикла «В помощь изучающему дифференциальные уравнения (1993–1994)»	39
Записки безумца (1994–1995).....	44
Наши песни (1998–1999)	56
Антистихи (1999–2001)	62
Любвный диптих (2002–2007).....	73
Аспирантские баллады (2000–2012).....	74
Маскарад неидеальных людей (2013–2014)	83
Стихи разных лет	101

В соответствии
с Федеральным законом
от 29.12.2010 г. №436-ФЗ 16+

Шуликовская Валентина Валентиновна

КРАТКИЙ КУРС ОБЩЕЙ ФИЗИКИ и другие стихотворения

Подписано в печать 15.08.2019. Формат 84×108 $\frac{1}{32}$.
Усл. печ. л. 5,46. Тираж 200 экз.

Издательство «Бон Анца» (ИП Пашкина С. С.)
426063, г. Ижевск, пр. Дзержинского, 3.
Тел. (3412) 63-21-63. E-mail: mail@izhcat.ru